

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ.

Часть I.

Книжка первая.

ЯНВАРЬ 1791.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

Редк. IPc 824

С 30
МОСКОВСКОЙ

ЖУРНАЛЪ.

№. 148/2

PLEASURES ARE EVER IN OUR HANDS OR EYES.

POPE.

Часть I.

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи,
у В. Окорокова.

1791 года.

ОДОБРЕНИЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сию книгу, подъ заглавіемъ: Московской Журналъ, Часъ I, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставлению, данному мнѣ о разсмотриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣція Профессоръ, Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ и Кавалеръ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

рку. 3393

СОЛНЦЕ И ЛУНА

ПРЕДУВЪДОМЛЕНИЕ.

Вотъ начало. Издатель употребитъ
всѣ силы свои, чтобы продолженіе
было лучше и лучше.

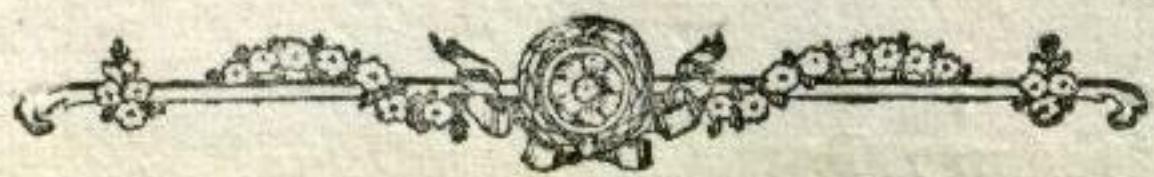
Журналъ выдавать не шутка —
я знаю — однако жъ тего не дѣлаетъ
охота и прильжность? Множество
иностранныхъ Журналовъ лежитъ у ме-
ня передъ глазами; ни одного изъ нихъ
не возьму я за тотной образецъ, но
всѣми буду пользоваться.

Издатель увидитъ въ сей первой
книжкѣ творенія тѣхъ Поэтовъ, о
которыхъ говорилъ я въ Обѣявленіи;
и спредъ будетъ ихъ видѣть. —
Путешественникъ, пріятель мой, со-
общаетъ свои записки въ письмахъ къ
семейству друзей своихъ.

Кому угодно будемъ сообщать
мнѣ свои сотиненія или переводы.
того прошу присылать ихъ съ Уни-
верситетскую книжную лавку, съ над-
писью: Издатель Московскаго Жур-
нала.

Фронтиспизъ къ первой Стаси
Журнала гравируется; но потенные
Субскрибенты могутъ получить его не
прежде, какъ мѣсяца терезъ два.

Николай Карамзинъ.

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть первая. Книжка первая.

Мѣсяцъ Январь.

ВРЕМЯ.

Ты Время быстрыми крылами
По всей подсолнечной париши;
Пуская стрѣлы за стрѣлами,
Все рушишь, итрашишь и разиши.

*

Непроницаема завѣса
Тебя опѣ нашихъ кроетъ глазъ;
Ты движешь вѣчноспи колеса,
И вѣвѣчность съ ними движешь насъ.

*

Часы крылатые вращаешь —
Въ нихъ жизненный песокъ течетъ —
И жизнь мгновенно прекращаешь,
Песчинка чья на дно падетъ.

*

А 3

Про-

Пропиву Время обороны
Ни силы, ни защиты нѣтъ;
Снимаетъ лавры и короны,
Вѣнцы и брачны узы рветъ.

*

Къ чему серпомъ своимъ коснется,
Гдѣ Время только пробѣжитъ,
Все вянеть, ржавѣетъ и рвется,
Покрыто мхомъ сѣдымъ лежитъ.

*

Ни юныхъ лѣтъ не уважаетъ,
Веселостей, ни красопы;
На что ни взглянетъ, пожинаетъ,
Какъ будто сельные цвѣты.

*

Коль многи зданіевъ громады
Изглажены его рукой!
Колики веси, царства, грады
Исчезли подъ его пятой!

*

Не можешь мужество геройско
Пропиву Время устоять;
Твердыни горѣ, ни храбро войско
Его теченья препинать.

*

Пред-

Предспавиши въ мысляхъ не умѣю
Слѣдовъ, шы коими текло;
Лишь Время вобразиши успѣю,
Оно исчезло и прошло.

*

О ты, который блескомъ мѣра
И суетами ослѣпленъ!
Представь, что злато и порфира
Есть жервa временни и плѣнъ.

*

А ты, кого злающій бремя
Терзаетъ, давитъ и тѣснитъ!
Не плачь: промчитъ печали Время,
Съ богатымъ нищаго сравнишъ.

*

Но стой, о Время! на минуту,
И гласу лирному внемли:
Ты сѣешь плачъ и горестъ люшу,
Текуще по лицу земли.

*

Твоя безмѣрна скорошечность
За насъ тебѣ опмстить спѣшишъ;
Тебя, тебѧ поглотитъ вѣчность,
Движенія и крылъ лишишъ.

ВИДѢНИЕ МУРЗЫ (*).

На темноголубомъ зеирѣ
Златая плавала луна ;
Въ серебряной своей порfirѣ
Блистающи , съ высотѣ она
Сквозь окна домъ мой освѣщала ,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя спекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ помною своей рукою
Мечты и грезы разсыпалъ ;
Кропя забвенія росою ,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала ;
Пепрополь съ башнями дремалъ ;
Нева изъ урны чушь мелькала ;
Чушь Бельшѣ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ пишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна сиѣ ,
Мертва казалась слуху , оку ,
На вышинѣ и глубинѣ .
Лишь вѣяли одни зефиры ,

Про-

Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ, и со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
Блаженъ, воспѣлъ я, кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И щастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставишъ славу,
Что онъ лишь доброй человѣкъ;
Что карломъ онъ и великаномъ,
И дивомъ свѣта не рожденъ;
И что не созданъ испуканомъ,
И оныхъ чтишь не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства мїра
Находитъ онъ въ семъ своей;
Что нѣжная его Плѣнира
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Часы дѣлишь уединенны
Съ нимъ могутъ, скуки и труды!
Блаженъ, какъ еспыли и Царевны
Кому какой ни есть Орды
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ,

Изъ сребророзовыхъ свѣтицъ (*),
Какъ будто изъ улусовъ дальнихъ,
Украдкой опѣ при дворныхъ лицъ,
За росказни, за распобары,
За вирши, иль за чѣо нибудь,
Исподпишка драгіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ!
Блаженъ... Но съ рѣчью сей внезапно
Мое все зданье попряслось,
Раздвинглись спѣны, и спокрашно
Ярчае молній пролилось
Сіяцъсъ вокругъ меня небесно.
Сокрылась поблѣднѣвъ луна —
Видѣнья я узрѣлъ чудесно.
Сошла со облаковъ жсна,
Сошла и жрицей очупилась
Или богиней предо мной.
„Одежда бѣлая спруилась (**) „
„На ней серебряной волной;

Град-

(*) Древніе лѣтописцы увѣряють, что у сей Царевны были преудивительные палаты, какъ-то, сафиrozолотыя, серебряныя и янтарныя.

(**) Точь въ точь такая картина находится у Графа Александра Андреевича Безбородки, писанная для Его Сіамельства Г. Левицкимъ, а изображенная Г. Стапскимъ Севѣщникомъ Львовъмъ.

„Градская на главъ корона ;
„Сіялъ при персяхъ поясъ златъ ;
„Изъ черноогненна виссона
„Подобный радугъ нарядъ
„Съ плеча деснаго полосою
„Висѣлъ на лѣвую бедру.
„Простершой на олтарь рукою
„На жертвенному она жару
„Сжигая маки благовонны ,
„Служила вышню Божеству.
„Орелъ полунощный, огромный ,
„Сопушникъ молній, торжеству ,
„Геройской провозвѣстникъ славы ,
„Сѣдя предъ ней на грудѣ книгъ ,
„Священны блюлъ ея уставы ;
„Потухлый громъ въ когтяхъ своихъ
„И лавръ съ оливными вѣтвями
„Держалъ, какъ будто бы уснувъ . „
Сафиро свѣслыми очами
Какъ въ гнѣвѣ иль жару блеснувъ ,
Богиня на меня воззрѣла —
Пребудетъ образъ вѣкъ во мнѣ ,
Она который впечатлѣла !
„Мурза ! она вѣщала мнѣ :
„Ты быть себя щасливымъ чаешь ,
„Когда по днамъ и по почамъ

, На

, „На лирѣ ты своей играешь ,
,, И пѣсни лишь поешь Царямъ ?
,, Воспрепещи , Мурза нещастный !
,, И спрашны испинны внемли ,
,, Которымъ спихотворцы спрастны
,, Едва ли вѣрятъ на земли.
,, Одно кѣ тебѣ лишь доброхопство
,, Мнѣ ихѣ открыть величъ . Когда
,, Поэзїя не сумасбродство ,
,, Но вышній даръ боговъ , тогда
,, Сей даръ боговъ , кроме лишь кѣ честии
,, И кѣ поученю ихѣ путей ,
,, Не долженъ обращенъ бысть кѣ лести
,, И плѣнной похвалѣ людей.
,, Владыки свѣта люди тѣ же ;
,, Въ нихъ спрасты , хоть на нихъ вѣнцы ;
,, Ядъ лести ихѣ вредитъ не рѣже —
,, А гдѣ Поэты не льстцы ?
,, И ты сиренъ поющихъ грому
,, На добродѣтели не спрай ;
,, Благотворителю прямому
,, Въ хвалѣ иѣпѣ нужды никакой.
,, Хранящій мужъ честные нравы ,
,, Творяй свой долгъ , свои дѣла ,
,, Царю приноситъ больше славы ,
,, Чѣмъ всѣхъ Поэтовъ похвала.

„Оставь некшаромъ наполненну
„Опасну чашу, гдѣ скрышъ ядъ! „ —
Кого я зрю споль дерзновенну,
И чьи успа меня разяшъ?
Кто ты? Богиня, или жрица?
Мечту споящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: Я — Фелица (*).
Рекла, и свѣплый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черпы;
Куреніе маспикъ безцѣнныхъ
Мой домъ и мѣсто по цвѣты
Покрыли, гдѣ она мнѣ зрелась —
Мой щипъ, мой Ангелъ во плопи!
Душа моя за ней спремилась,
Но я за ней не могъ ишпи.
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ быль;
Но шокомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
Возможно ль, крошка Царевна!
И ты къ Мурзѣ чтобъ своему
Была сурова споль и гнѣвна,
И спрѣлы сераду моему

И

(*) Кто такова Фелица, смотря въ Собесѣдники
примѣткѣ на стр. 1.

И ты, и ты чтобы бросала ;
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла ?
Довольно безъ тебѧ людей ,
Довольно безъ тебѧ Поэту
За кажду мысль , за каждый спихъ
Опѣщивавшъ лихому свѣту ,
И отъ сапиръ щититься злыхъ !
Довольно золопыхъ кумировъ ,
Безъ чувствъ мои что Пѣсни чли ;
Довольно Кадіевъ , Факировъ ,
Которые топчасъ сочли
Какъ бы тебѣ какой ихъ леспью ;
Довольно нажилъ я враговъ !
Иной отнесъ себѣ къ безчестью ,
Что не дерушъ его усовъ ;
Иному показалось больно ,
Что онъ насѣдкой не сидишъ (*) ;
Иному , очень своевольно
Съ тобой Мурза твой говоритъ .
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье ,
Что я посланицей небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищенъѣ ,
И лилъ въ воспоргъ шоки слезъ .

И

(*) Смотри въ Собесѣдникѣ въ Одѣ къ Фелицѣ
стrophe 19.

И словомъ, тошъ желалъ арбуза ,
А тошъ соленыхъ огурцовъ.
Но пустъ имъ здѣсь докажетъ Музъ,
Что я не изъ числа льстецовъ ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю ;
Что ни изъ чихъ чужихъ анбаровъ
Себѣ нарядовъ не крою.
Но, вѣнценосна добродѣтель !
Что только сопворила ты ,
Я пѣлъ, чemu весь свѣтъ свидѣтель —
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду ;
Я вѣ шушкахъ правду возвѣщу.
Татарски пѣсни изъ подспуду
Какъ лучъ пошомству сообщу ;
Какъ солнце, какъ луну поставлю (*)
Твой образъ будущимъ вѣкамъ ;
Превознесу тебя , прославлю ,
Тобой безсмертенъ буду самъ !

* * *

Дергачи

ФИЛ.

(*) Древніе Поэты Героиъ своихъ помѣщали въ
число еозвѣздій и «вѣшилъ небесныхъ».

ФИЛЛИДЪ.

Проснись , проснись , Филлида !
Взгляни на день прекрасной ,
Въ которой ты родилась !
Смотри , какъ онъ гордится
И яркими лучами
На зелени играетъ !
Смотри , какъ вся Природа
Ликуетъ , веселился ! —
Взгляни же и на друга ,
Которой для прекрасной
Принесъ цветы прекрасныхъ
И арфу златострунну ,
Чтобъ радосную пѣсню
Сыграть на ней Филлидъ ,
Въ щасливой день рожденья
Красавицы любезной ,
И въ нѣжной мелодіи
Излишь желанья дружбы .

Да будешъ годъ твой красной
Единымъ Майскимъ упромъ ,
Которое питаешь
Ясмины и лилеи ,
И духъ ихъ ароматной

Въ зефирахъ развѣваешьъ !
Будь радостна , безпечна ,
Какъ радостенъ , безопаснъ
Пѣвецъ весны и упра ,
Вѣянье подъ облаками !
Когда жъ вздохнешь захочешь —
Увы ! гдѣ свѣтъ безъ тѣни ? —
Да будешь вздохъ твой кропокъ !
И ешьми въ нѣжныхъ чувствахъ
Твое , Филлида , сердце
Слезу пролить захочешь :
Блистай она подобно
Росѣ на юныхъ розахъ ,
Живящей цвѣтъ ихъ алый !

Да девять сестрѣ небесныхъ ,
И важныхъ и веселыхъ ,
Тебя въ сей годъ упѣшаши
Бесѣдою своею !
Родившая Орфея
Читай тебѣ Гомера ;
Всезнающая Клѣо
Плутарха или Юма ;
Съ кинжаломъ Мельпомена
Шекспира декламируй ;
Полимнія въ воспорѣ

Б

Псій

Пой Пиндаровы Оды ;
Эрапа съ нѣжной краской
Чишай тебѣ пихонько
Теоскаго Поэта ;
А Талія съ Мольеромъ
На счетъ пороковъ смѣйся ;
Уранія повѣдай ,
Что Гершель въ небѣ видитъ ;
Играй тебѣ Эвтерпа
На флейтѣ сладкогласной
Божественныхъ пѣсни
Изъ Генделевыхъ пѣсней ;
Прыгунья Терпсихора
Какъ Весприсъ иредъ шобою
Пляши , скачи , верпися !

Въ чудесномъ же искусствѣ ,
Любовью найденномъ ,
Будь въ годъ сей Прометеемъ ,
Жизнь въ мерцвое вливая !
Пиши блестящій образъ
Земнаго совершенства —
Представь намъ Аполлона —
И вдругъ , когда потужишь ,
Что юноша бездушенъ .
Да оживишся образъ ,

И павъ передъ тобою — —
Филлида ! я умолкну.

К.

ИСТУКАНЪ ДРУЖБЫ.

„Сколь щасливъ потъ, кто Друж-
бу знаєшъ !
„Ахъ ! можно ль съ ней сравнишь Люб-
овь ?
„Та , я слыхала , насъ терзаетъ ,
„Тревожитъ сердце, духъ и кровь ;
„А ты , о Дружба ! утѣшаешь ,
„И какъ румяная заря
„Сердца въ насъ грѣешь, не сжигаешь ,
„Щасливыми кавѣкътворя . „

Вчера такъ Лиза разсуждала ;
Ей опѣ роду пяшнадцать лѣтъ ;
Она сама еще не знала ,
Что есть ли сердце въ ней, иль нѣтъ.
Плѣнясь прекрасною мечтою ,
Желаетъ всякой часъ имѣть
Подобье Дружбы предъ собою ,
Чтобъ больше къ ней благоговѣть.

„Сколь буду, говоришъ, я рада,
„Имѣя образъ, Дружба, твой!
„Въ уединенномъ мѣстѣ сада
„Поставленъ храмикъ будешъ мной;
„А въ храмикѣ твой зракъ священной —
„Я жрицей бы его была.,,
По семъ, съ душею восхищенной,
Невинность къ рѣщику пошла.

Рѣщикъ ея представилъ взору
Богини точный испуканъ,
Безъ прелестей и безъ убору;
Видъ скромной и простой ей данъ.
„Что вижу? Лизанька вскричала:
„И тѣни прелестей пушъ нѣшъ,
„Съ какими въ сердцѣ начерпала
„Любезнай Дружбы я порпремъ!
„Поспой... Я зрю дитя прекрасно:
„Ахъ! это Дружество и есть!
„Вошъ богъ, которымъ сердце спра-
спло!,, —

По томъ, спѣша его унести,
Нашла! нашла! она твердила.
Вошде художникъ ей гласилъ:
„Вѣдь ты Любовь, Любовь купила!,,
Зефиръ сихъ словъ не доносилъ.

И.
ЧЕР-

ЧЕРВОНЕЦЬ И ПОЛУШКА.

Не вѣдаю, какой судьбой

Червонецъ золотой

Съ полушкою на московой

Столкнулся,

Металлъ сиятельный раздулся,

Суровой на свою соседку бросилъ
взоръ

И такъ съ ней началъ разговоръ:

Какъ ты отважилась со скаредною
рожей

Казать себя моимъ очамъ?

Ты ведь презрѣнная отъ Князей и
Вельможей!

Ты, коей суждено валяться по сумамъ!

Ужель ты равной быть со мною воз-
мечтала? —

Никакъ, съ покорностью полушка оп-
вѣчала:

Я предъ тобой мала, однако не тужу;

Я столько жь какъ и ты на свѣтѣ
семъ служу.

Я рубищемъ покрышу нищу,

И дряхлой спаростью повержену во
прахъ,
Даю хопь грубую, ему пощебну пищу,
И прохлаждаю жаръ въ запекшихся
устахъ;
Лишенна помощи младенца я питаю,
И жребій страждущихъ въ темницахъ
облегчаю.
Причиною же убийствъ, коварствъ, из-
мѣнъ и зла
Вовѣкъ я не была.
Я болѣе горжусь служить всегда убо-
гимъ,
Вдовицамъ, сиропамъ и воинамъ без-
ногимъ,
Чѣмъ быть погребену во мракѣ сун-
дуковъ
И умножать собой казну ростовщи-
ковъ,
Заводчиковъ, скучая и знатныхъ ша-
луновъ.
А ты, . . . Прохожій ихъ вдали еще
увидя,
Топчасъ къ нимъ подлешилъ;
Примѣня же ихъ споръ и споровъ не-
навидя,
Онъ

Онъ положилъ ему предѣлъ,
А попросшу, онъ ихъ развелъ,
Опдавъ одну вдовѣ, идущей съ сиротою,
Другова подаря шоргующей красою.

И.

ЭПИТАФІЯ.

Подъ камнемъ симъ лежишъ сокрыто
плѣнино пѣло,
Остапокъ юноши, доспойного любви.
Онъ умеръ испытавъ печали и надежду.
Поспой, прохожій, здѣсь, и гласъ его
внемли —
Во всякомъ вѣтеркѣ сей гласъ къ те-
бѣ несется —
,, И я былъ живъ какъ ты, и ты
умрешь какъ я !,,
П.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕНИКА.

Тверь, 18 Маія
1789.

Разспался я съ вами, милые, разспался! Сердце мое сполько къ вамъ привязано , а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться !

Что я по сїе время вытерпѣлъ, милые, и еще терпѣть буду !

О сердце , сердце ! кто знаетъ , чего ты хочешь ? — Сколько лѣтъ путешествоѣ было пріятнѣишею мечтою моего воображенія ? Не въ воссторгѣ ли сказалъ я самому себѣ : наконецъ ты пойдешь ? Не въ радости ли просыпался по томъ вслѣдъ упро ? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ , думая : ты пойдешь ? Сколько времени не могъ ничего думать , ничѣмъ заниматься , кроме путешествія ? Не считалъ ли дней и часовъ ? — И при всемъ томъ , когда насталъ желаемый день , я спалъ грустить , вообразя себѣ въ первой разѣ живо , что мнѣ надлежало разспаться съ любезнѣйшими

для

для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ со-
ставъ бытія моего. На чѣпо ни смо-
трѣлъ — на сполѣ, гдѣ нѣсколько
лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя
мысли и чувства мои — на окно,
подъ копорымъ сиживалъ я подгорю-
нившись въ принадкахъ своей мелан-
холіи, и гдѣ такъ часто заспавало
меня восходящее солнце — на готи-
ческой домѣ, любезной предметѣ
глазъ моихъ въ часы ночные — однимъ
словомъ, все, что попадалось мнѣ
въ глаза, было для меня драгоцѣн-
нымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ
моей жизни, не обильной дѣлами, но
за то мыслями и чувствами обиль-
ной. Съ бездушными вещами про-
щался я какъ съ друзьями. И въ са-
мое то время, какъ я былъ размяг-
ченъ, расстроганъ, пришли люди мои,
начали плакать и просить меня, чтобы
бы я не забылъ ихъ —, чтобы я
взялъ ихъ опять къ себѣ, когда воз-
вращусь. Слезы заразительны, мои
милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы миъ всего любезнѣе, и съ
вами надлежало разспаться. Сердце
мое такъ много чувствовало, что я
говорить забывалъ. Но что вамъ ска-
зывать! — Минута, въ которую мы
прощались, была такова, что тыся-
ча пріятныхъ минутъ въ будущемъ
едва ли мнѣ за нее заплатяшъ.

Милой Пп. провожалъ меня до
заспавы. Тамъ обнялись мы съ нимъ,
и въ первой еще разъ видѣлъ я сле-
зы его; — тамъ сѣлъ я въ кибит-
ку и взглянулъ на Москву, где оспа-
валось для меня столько любезнаго —
взглянулъ и сказалъ: прости! Коло-
колъ зазвѣнѣлъ, лошади помчались, и
я еще можешъ быть въ первой разъ
въ жизни своей такъ живо почувство-
валъ себя *одного*.

Все прошедшее есть сонъ и
тьнь: гдѣ теперь тѣ часы, въ ко-
торые такъ хорошо бывало сердцу
моему посреди васъ, милые? — Есть-
ли бы человѣку вдругъ открылося бу-
дущее, то замерло бы сердце его
въ самой живѣйшей радости, и языкъ
бы

бы его въ свинецъ превратился въ самую ту секунду, въ которую онъ подумалъ бы назвать себя щаслившимъ человѣкомъ.

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радоспной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, споя передъ каррикатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, радъ бы былъ выплакать все сердце свое. Тамъ-то все оставленное мною представилось мнѣ въ такомъ прогапельномъ видѣ — — Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. — Проспите! Дай Богъ вамъ множеспво упѣшеній! Проспите до Петербурга! — Воспоминайше друга, но безъ всякаго прискорбнаго чувства! — Проспите!

С. Петербургъ, 26 Маія
1789.

Проживъ здѣсь пять дней, друзья мои, черезъ часъ поѣду въ Ригу.
ВЪ

Въ Петербургъ я не веселился. Пріѣхавъ къ своему пріятелю * * * *, нашелъ его въ крайнемъ унынїи. Сей достойной, любезной человѣкъ открылъ мнѣ свое сердце; оно нѣжнѣе, нежели я думалъ, и онъ нещастливе, нежели я думалъ. „Состояніе мое совсѣмъ ивому противоположно, сказалъ онъ со вздохомъ: главное ивое желаніе исполняется: ты ъдешь наслаждаться, веселишься; а я поѣду искать смерти, которая одна можетъ окончашь мое мученіе. „Я не смѣлъ упѣшашь его, и довольствовался однимъ сердечнымъ соучасствованіемъ въ его горести. Но не думай, мой другъ — сказалъ я ему — чтобы ты видѣлъ передъ собою человѣка довольнаго своею судьбою; пріобрѣшай одно, лишаюсь другова, и жалѣю. — Оба мы вмѣстѣ отъ всего сердца жаловались на нещастной жребій человѣчества, или молчали. По вечерамъ прохаживались въ лѣпнемъ саду, и всегда больше думали, нежели говорили; каждой о своемъ думалъ. До

обѣ-

• бѣда бывалъ я на биржѣ, чтобы видѣться съ знакомымъ своимъ Англичаниномъ, черезъ котораго надлежало мнѣ получить вексели. Тамъ, смотря на корабли, вѣдумалъ было яѣхать водою, въ Данцигъ, въ Штетинъ или въ Любекъ, чтобы съ меньшими беспокойствами и скорѣе быть въ Германии. Англичанинъ мнѣ то же совѣтовалъ, и сыскалъ Капитана, которой черезъ нѣсколько дней хощѣлъ плыть въ Штетинъ. Дѣло, казалось, было съ концомъ; однако жь вышло не такъ. Мнѣ сказали, что паспортъ мой надобно было надписать въ Адмиралтействѣ. Я туда явился съ нимъ, но его надписать не хотѣли, для того, что снѣ данъ изъ Московскаго, а не изъ Петербургскаго Губернскаго Правленія, и что въ немъ не сказано, какъ я поѣду, то есть, не сказано, что я поѣду моремъ. Возраженія мои мнѣ не помогли — я не зналъ порядка, и мнѣ оставалосьѣхать сухимъ пушемъ, или взять другой паспортъ въ Петербургѣ. Я рѣшился

на первое ; пошелъ , взялъ подорожную и послалъ за лошадьми , которыя уже и гоновы . И такъ проспите , любезные друзья ! Когда-то будешь мнѣ веселѣе ! А до сего часа все грустно . Проспите !

Рига , 31 Маія

1789.

Вчера , любезнѣйшѣе друзья мои , прїѣхалъ я въ Ригу , и остановился въ *Hôtel de Petersbourg*. Дорога меня очень измучила . Не довольно было сердечной грусти , которой причина вамъ конечно известна : надлежало еще испытать сильнымъ дождемъ ; надобно еще было , чтобы я въ Петербургѣ не купилъ своей повозки , поѣхалъ на перекладныхъ и нигдѣ не находилъ хорошихъ кибитокъ . Все меня сердило . Вездѣ , казалось мнѣ , брали съ меня лишнее , или засставляли меня слишкомъ долго дожидаться . Но нигдѣ не было мнѣ такъ горько , какъ въ Нарвѣ . Я прїѣхалъ туда весь мокрой . Насквозь промоченная поспela и грязью забрыз-

брьзганныя подушки были печальнымъ предмепомъ для глазъ моихъ. Насилу могъ я найти купить двѣ рогожи, чтобы сколько нибудь закрыться отъ дождя, и заплапилъ за нихъ по крайней мѣрѣ какъ за двѣ добрыя кожи. Кибипку дали мнѣ негодную, лошадей скверныхъ. Лишь только отъѣхали съ полверсты, переломилась ось, кибипка упала, и я съ нею повалился въ грязь. Илья мой поѣхалъ съ ямщикомъ назадъ за осью, а я оспался подлѣ кибипки на сильномъ дождѣ. Этова еще мало было: пришелъ какой-то Полицейской, и началъ шумѣть, что кибипка моя спояла середи дороги. Спрячь ее въ карманъ! сказалъ я съ притворнымъ равнодушіемъ, и завернулся въ плащъ. Богъ знаетъ, каково мнѣ было въ эту минуту. Всѣ тѣ пріятные образа, въ которыхъ представлялось мнѣ путешествіе, запмились въ душѣ моей. О естѣли бы можно было мнѣ тогда перенестись къ вамъ, друзья мои! Внутренне проклиналъ я то никогда неспящее

щее побуждение сердца человѣческаго, которое влечетъ насъ отъ предмета къ предмету, отъ вѣрныхъ удовольствій къ невѣрнымъ, какъ скоро первыя перестаютъ быть для насъ новыми — которое настроиваетъ къ мечтамъ наше воображеніе, и заставляетъ насъ искать радостей въ неизвѣстномъ будущемъ.

Есть всему предѣлъ; волна, ударясь въ берегъ, назадъ возвращается, или, поднявшись высоко, опять внизъ упадаетъ — и въ самой топъ мигъ, какъ сердце мое стало полно, откуда ни взялся молодой, хорошо одѣшой человѣкъ, или мальчикъ лѣтъ тринадцати, спалъ передо мной какъ листъ передъ правой, и съ милою, сердечною улыбкою сказалъ мнѣ по Нѣмецки: „У васъ изломалась кибипка? Жаль, очень жаль! Пожалуйше къ намъ — вотъ это нашъ домъ — башнюшка и машушка приказали васъ просить къ себѣ,, — Благодарю васъ, государь мой! Только мнѣ не лъзя отойти отъ своей кибипки; къ тому

же я одѣпъ слишкомъ по дорожному, и весь мокръ. — „Къ кибишкѣ приставимъ мы человѣка; а на плашье дорожныхъ кпо смотришъ? Пожалуйше, сударь, пожалуйше! „ — Тутъ улыбнулся онъ такъ убѣдительно, что я долженъ былъ спряхнуть воду съ шляпы, и сбросить съ себя грязной плащъ — разумѣется, чтобы съ нимъ итти. Мы взялись за руки, и побѣжали бѣгомъ въ большой каменной домъ, гдѣ въ залѣ первого эпажа нашелъ я многочисленную семью, сидящую вокругъ стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли такъ ласково, подчывали такъ сердечно, что я забылъ все свое горе. Хозяинъ, пожилой человѣкъ, у которого добродушіе было на лицѣ написано, съ видомъ искренняго участія разспрашивалъ меня о моемъ вояжѣ. Молодой человѣкъ, племянникъ его, не давно возвращившійся изъ Германии, сказывалъ мнѣ, какъ удобнѣе путешествовать по сей землѣ. Я пробылъ у нихъ около часа. Между тѣмъ

привезли ось, и все было готово.
„Нѣшъ, еще поспойше!,, сказали мнѣ
— и хозяйка принесла на блюдѣ
три хлѣба. „Нашъ хлѣбъ, говоряшъ,
хорошъ: возьмите его. „Богъ съ
вами! примолвилъ хозяинъ, пожавъ
мою руку: Богъ съ вами! — Я
сквозь слезы благодарилъ его, и же-
далъ, чтобы онъ и впредь своимъ
господствомъ ушѣшалъ печаль-
ныхъ путешесственниковъ, разспавших-
ся съ милыми друзьями. Господствомъ,
священная добродѣтель, обык-
новенная во дни юности рода человѣческаго, и столь рѣдкая во дни па-
ши! еслѣмъ я когда нибудь тебя за-
буду, то пусь забудушъ меня дру-
зья мои! Пусь вѣчно буду бездом-
нымъ странникомъ на землѣ сей, и
нигдѣ не найду впораго Крамера! —
Проспился со всею любезною семьею,
сѣль въ кибитку и поскакалъ, обрадо-
ванной находкою добрыхъ людей! —

Почта отъ Нарвы до Риги назы-
вается Нѣмѣцкою, для того, что
Комиссары на спанціяхъ Нѣмцы.
Поч-

Почтовые дому вездѣ одинакіе — ни-
зенькіе, деревянные, раздѣленные на
две половины: одна для проѣзжающихъ,
а въ другой живетъ самъ Коммиссаръ,
у котораго можно найти все нужное
для утоленія голода и жажды. Стан-
ціи всѣ маленькия; есть по двѣнад-
цати и одиннадцати верстъ. Вмѣ-
сто ямщиковъ ъздятъ отставные сол-
даты, изъ которыхъ иные помнятъ
Миниха; рассказывая сказки, забыва-
ютъ они погонять лошадей, и попто-
му прїѣхалъ я изъ Петербурга не
прежде, какъ въ пятой день. На одной
станціи за Деришомъ надлежало мнѣ
ночевать, для того, что Г. ***, ъду-
щий изъ Италіи, забралъ всѣхъ ло-
шадей. Я съ полчаса имѣлъ честь го-
ворить съ нимъ, и нашелъ въ немъ
любезнаго и собственно по особѣ сво-
ей почтеннаго человѣка. Онъ настра-
щалъ меня песчаными Прусскими до-
рогами, и совѣтовалъ лучше ъхать
черезъ Польшу и Вѣну; однако жъ мнѣ
не хочется перемѣнить своего плана.
Пожелавъ ему щастливаго пути,

бросился я на постелю; но не могъ заснуть до самаго того времени, какъ Чухонецъ пришелъ мнѣ сказать, что кибитка для меня впряженна.

Я не примѣтилъ никакой разности между Эспландцами и Лифляндцами, кроме языка и кафтановъ: первые носятъ черные, а вторые сѣрые, дьячковскаго покроя. Языки ихъ хотя разны, однако жь сходны; имѣютъ мало собственнаго, много Нѣмецкихъ, и даже нѣсколько Славянскихъ словъ. Я замѣтилъ, что всѣ Нѣмецкія слова въ ихъ произношеніи смягчены, изъ чего можно заключить, что слухъ ихъ лѣженъ; но видя ихъ непроворство, маловѣсость и недогадливость, всякой долженъ думать, что они, по просту сказать, глуповаты. Господа, съ которыми удалось мнѣ говорить, жалуются на ихъ лѣность, и называютъ ихъ сонливыми людьми, которые безъ понужденія ничего не сдѣлаютъ; и такъ надобно, чтобы ихъ очень понуждали, потому что они очень много работаютъ, и мужикъ въ Лифляндіи, или

въ Эспландіи, приноситъ господину вчетверо болѣе нашего Казанскаго или Симбирскаго.

Сіи бѣдные люди, рабопашающіе господеви со страхомъ и препетомъ во всѣ будничные дни, за то уже безъ памяти веселятся въ праздники, которыхъ, правда, весьма не много по ихъ Календарю. Корчмы, которыми усѣяна дорога, въ проѣздѣ мой были наполнены гуляющимъ народомъ — праздновали Троицу.

Мужики и господа всѣ Лютеранскаго исповѣданія. Церкви ихъ похожи на наши, кромѣ того, что на верху споистъ не крестъ, а пѣтухъ, которой долженъ напоминать о паденіи Апостола Петра. Проповѣди говорятъ на ихъ языке; однако жь Паспоры всѣ знаютъ по-Нѣмецки.

Что принадлежитъ до мѣстоположеній, то въ этой странѣ смотрѣть не на что. Лѣса, песокъ, болота; нѣтъ ни большихъ горъ, ни проспанныхъ долинъ. — Напрасно будешь искать и такихъ

деревень, какъ у насъ. Въ одномъ ме-
стѣ видишь два двора, въ другомъ
три, четыре, и церковь. Избы боль-
ше нашихъ, и раздѣлены обыкновен-
но на двѣ половины: въ одной жи-
вутъ люди, въ другой скопина. —
Тѣ, копорые ѿдушъ не на почто-
выхъ, должны оспаиваться въ
корчмахъ. Впрочемъ я почти совсѣмъ
не видалъ проѣзжающихъ: такъ пу-
спа эта дорога въ нынѣшнее время.

О городахъ говорить много не че-
го; потому что я въ нихъ не оспа-
ивался. Въ Ямбургѣ, маленькому
городкѣ, извѣстномъ по своимъ су-
коннымъ фабрикамъ, есть изрядное
каменное спроеніе. Нѣмецкая часть
Нарвы, или собственно такъ называ-
емая Нарва, состоитъ по большой ча-
сти изъ каменныхъ домовъ; другая,
опредѣляемая рѣкою, называется Иванъ-
городъ. Въ первой все на Нѣмецкую
спашь, а въ другой все на Русскую.
Тушъ была прежде наша граница —
о Петръ, Петръ!

Когда открылся мнѣ Дерптъ, я
сказалъ: прекрасной городокъ! Тамъ
все праздновало и веселилось. Мужчи-
ны и женщины ходили по городу об-
навшись, и въ окрестныхъ рощахъ
мелькали гуляющія пары. Сто городъ,
то коровъ; тто деревня, тто обытай.

— Здѣсь-по живетъ брашъ нещаспна-
го Л**. Онъ главной Пасторъ, всѣми
любимъ, и доходъ имѣетъ очень хо-
рошій. Не знаю, помнитъ ли онъ
брапа. Я говорилъ обѣ немъ є однимъ
Лифляндскимъ дворяниномъ, любез-
нымъ, пылкимъ человѣкомъ. „Ахъ, го-
сударь мой! сказаъ онъ мнѣ со вздо-
хомъ: самое шо, чщо одного просла-
вляешъ и щаспливишъ, дѣлаешъ дру-
гова злополучнымъ. Кто, читая По-
эму шеспинадцатилѣтняго Л**, и все
шо, чщо онъ писалъ до двадцати
пяти лѣтъ, не увидишъ утренней
зари ееликаго духа? Кто не поду-
маетъ: вонъ юной Клоштокъ, юной
Шекспиръ? Но черныя тучи помра-
чали сю прекрасную зарю, и солнце
никогда не возсияло. Глубокая чув-

спвительность, безъ кошорой Клоштокъ не былъ бы Клоштокомъ и Шекспиръ Шекспиромъ, погубила его. Другя обстоятельства, и Л* безсмертенъ!,, — Тутъ сказали ему, что въ коляску его запрягли лошадей.

Лишь только вѣдешь въ Ригу, увидишь, что это торговой городъ — много лавокъ, много народа — рѣка покрыта кораблями и судами разныхъ націй — биржа полна. Вездѣ слышишь Нѣмецкой языкъ — гдѣ-гдѣ Русской — и вездѣ требуютъ не рублей, а шалеровъ. Городъ не такъ чтобы красивъ былъ; улицы узки — но много каменнаго спроенія, и еспь хорошие дома.

Въ трактиръ, гдѣ я остановилъся, хозяинъ очень услужливъ: самъ носилъ паспортъ мой въ Правленіе и въ Благочиніе, и сыскалъ мнѣ извозчика, которой за тринадцать червонцевъ нанялся довезти меня до Кенигсберга, выѣхѣть съ однимъ Французскимъ купцомъ, которой нанялъ

у него въ свою коляску четыре лошади; а я пойду на парѣ въ кибиткѣ. — Илью оправлю отсюда и прямо въ Москву.

Милые друзья! всегда, всегда о васъ думаю, когда могу думать. Я еще не выѣхалъ изъ Россіи, но давно уже въ чужихъ краяхъ; попому что давно съ вами разспался. Просите! Будьте здоровы и покойны! — До Мемеля что нибудь напишу, а отшутиша пошлю къ вамъ. Просите! Лошади готовы.

Курляндская корчма,

г. Іюня 1789.

Еще не успѣлъ я окончать письма къ вамъ, любезнѣйшіе друзья, какъ лошади были впряжены, и трактирщикъ пришелъ сказать мнѣ, что черезъ полчаса запрутъ городскія вороты. Надобно было дописать письмо, расплашиваться, укладать чемоданъ и приказать кое-что Ильѣ. Ногу мнѣ подали, и я за супки долженъ былъ заплатить около десяти рублей.

Не было мнѣ времени раздроблять сего аптекарского счета; оставалось только заплашить.

Удивляюсь еще, какъ я въ такихъ торопахъ ничего не забылъ въ трактирѣ. Наконецъ все было гошено, и мы выѣхали изъ воротъ. Тутъ проспился я съ добродушнымъ Ильею — онъ къ вамъ поѣхалъ, милые! — Начинало смеркаться. Въ Форштадѣ извозчики наши остановились. Мнѣ надо было чѣмъ нибудь заняться: и такъ я принялъ за жареное, которое опустили со мною изъ трактира. Три или четыре человѣка подходили спрашивать меня, куда я ѿду? Въ Англію, отвѣчалъ я. Они дивились, какъ можно пускаться въ такой дальній путь, и желали мнѣ всякаго добра. Мимо насъ промчалась кибитка. Двое молодыхъ Нѣмцовъ, которые сидѣли на облукѣ, держали въ рукахъ бутылки и трубки, и кричали мнѣ: *Guten Abend, mein Herr.* Мы поѣхали за ними. Вечеръ былъ пихъ и прохладенъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ,

не чувствовалъ, какъ мы доѣхали до той корчмы, гдѣ надлежало намъ ночевать. Проснувшись и осмотрясь, увидѣлъ я, что съ нами на покрытому дворѣ стояла еще кибитка, точно па, которая при выѣздѣ изъ Риги мимо насъ проскакала. Вотъ еще товарищи! подумалъ я, и опять заснулъ. Восходящее солнце разбудило меня лучами своими. Мы ужеѣхали и приближались къ заславѣ, къ маленькому дому съ рогаткою. Парижской купецъ пошелъ со мною къ Маіору, которой принялъ насъ очень учтиво, и послѣ осмотра велѣлъ насъ пропустить. Мы вѣѣхали въ Курляндию — и мысль, что я уже вѣѣ ощечесива, производила въ душѣ моей удивительное дѣйствіе. На все, что попадалось мнѣ въ глаза, смотрѣлъ я съ опмѣннымъ примѣчаніемъ, хотя предметы сами по себѣ были весьма обыкновенны. Я чувствовалъ такую радость, какой, со времени нашей разлуки, милые! еще не чувствовалъ. Скоро открылась Митава. Видъ сего города

не красивъ, но для меня былъ прѣ
влекательнъ. Вотъ первой иностран-
ной городъ, думалъ я — и глаза мои
искали чего нибудь отмѣннаго, нова-
го. На берегу рѣки Аа, черезъ ко-
торую мы перѣѣхали на плопу, сто-
итъ дворецъ Герцога Курляндскаго,
не малой домъ, впрочемъ по своей на-
ружности весьма не великолѣпной.
Стекла почти вездѣ выбиты или вы-
нуты; и видно, что внутри комна-
ты передѣзываютъ. Герцогъ живетъ
въ лѣщнемъ своемъ замкѣ, не далеко
отъ Митавы. Берегъ рѣки покрытъ
лѣсомъ, которыи самъ Герцогъ исклю-
чительно торгуется, и которой со-
ставляетъ для него немалой доходъ.
Стоявшіе на караулѣ солдаты каза-
лись мнѣ инвалидами, и по своей фи-
турѣ и по платью. Что принадлежитъ
до города, то онъ довольно проспра-
ненъ, но не хорошъ. Домы почти все
маленькие, и довольно неопрятны;
улицы узки и худо вымощены; садовъ
и пустырей много. Мы остановились
въ практирѣ, которой почипаешься

лучшимъ въ городѣ. Тотчасъ окружили насъ Жиды съ разными бездѣлками. Одинъ предлагалъ трубку, другой старой Лютеранской молитвенникъ и Готшедову Грамматику, третій зрительное спекло, и каждой хощѣлъ продать товаръ свой шакимъ добрымъ господамъ за самую сходную цѣну. Приѣхавшіе съ нами Нѣцы ушли къ своему знакомому. Француженка,ѣдущая съ Парижскимъ купцомъ, женщина лѣтъ въ сорокъ пять, сѣла оправлять свои сѣдыя волосы передъ зеркаломъ, а мы съ купцомъ, заказавъ обѣдъ, пошли ходить по городу — видѣли, какъ молодой Офицеръ училъ старыхъ солдатъ, и слышали, какъ пожилая курносая Нѣмка въ чепчикѣ бранилась съ краснорожимъ мужемъ своимъ, сапожникомъ. Возвратясь, обѣдали мы съ добрымъ аппетитомъ, и послѣ обѣда имѣли время напиться кофе, чаю, и поговорить довольно. Я узналъ отъ сопутника своего, что онъ родомъ Ишамянецъ, но въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ оставилъ свое оше-

ошесиство и вошелъ въ коммерцю въ Парижъ; много путешесивалъ, и въ Россію прїезжалъ отчасти по своимъ дѣламъ, отчасти для того, чтобы узнать всю жестокость зимы; и теперь возвращаешься оянь въ Парижъ, гдѣ намѣренъ навсегда оспащаясь. — За все вмѣстѣ заплатили мы въ практирѣ по рублю съ человѣка.

Выѣхавъ изъ Мишавы, увидѣлъ я пріятнѣйшія мѣста. Сія земли гораздо лучше Лифляндіи, которую не жаль проѣхать зажмуясь. Намъ попались фурманы изъ Либау и изъ Пруссіи. Странные экипажи! Предличная фуры цугомъ; лошади преболѣша, и на нихъ навѣшаны гремушки, производящія песносной для ушей шумъ.

Отѣхавъ пять миль, остановились мы ночевать въ корчмѣ. Дворъ, гдѣ спояши повозки и лошади, хорошо покрытъ; комнаты довольно чисты, и нѣсколько постель споинъ къ услугамъ путешесивущихъ.

Вечеръ весьма пріятенъ. Въ нѣ-
сколькихъ шагахъ отъ корчмы тече путь
чистая рѣка. Берегъ покрытъ мягкою
зеленою травою, и осѣненъ въ иныхъ
местахъ густыми деревами. Я отка-
зался отъ ужина, и, напившись чаю,
пошелъ гулять по берегу. Солнце
передо мною закапилось. Я вспомнилъ
одинъ Московской вечеръ, въ кото-
рой, гуляя съ Пп. подъ Андроньевымъ
монастыремъ, съ отмѣннымъ
удовольствиемъ смотрѣлъ я на захо-
дящее солнце. Думалъ ли я тогда,
что ровно черезъ годъ буду насла-
ждаться пріятностями вечера въ Кур-
ляндской корчмѣ! Еще другая мысль
пришла мнѣ въ голову. Нѣкогда началъ
было я писать романъ, и хотѣлъ въ
воображеніи обѣздить точно тѣ
земли, въ каторыя теперь бы у. Въ
мысленномъ путешествіи, выѣхавъ изъ
Россіи, остановился я ночеватъ въ
корчмѣ: и въ дѣйствительномъ то же
случилось. Но въ романѣ писау я,
что вечеръ былъ самой ненаспной;
что дождь не оставилъ на мнѣ сухой
ним-

нишки, и что въ корчмѣ надлежало мнѣ сушишься передъ каминомъ; а на дѣлѣ вечеръ выдался самой тихой и ясной. Сей первой ночлегъ былъ нещастливъ для романа: боясь, чтобы несчастное время не продолжилось и не обезпокоило меня въ моемъ пушеспвii, сжегъ я его въ печи въ благословенномъ своемъ жилищѣ на Чистыхъ Прудахъ. — Я легъ на правѣ подъ деревомъ, вынулъ изъ кармана записную книжку, чернилицу и перо, и написалъ то, что вы теперь читали.

Между тѣмъ вышли на берегъ Нѣмцы, легли подъ меня на правѣ, закурили *дуо*, и отъ скуки начали бранить Русской народъ. Я, переставъ писать, хладнокровно спросилъ у нихъ, были ли они въ Россїи далѣе Риги? Нѣпѣ, ошвѣчали они. А когда такъ, государи мои, сказалъ я, что вы не можете судить о Русской націи, побывавъ только въ пограничномъ городѣ. Они не разсудили за благо утверждать своего мнѣнія, а я опровергъ его

его основашельнѣе. Примѣшивъ изъ словъ ихъ, что они почишли меня Французомъ, почелъ я за должное открыть имъ заблужденіе ихъ; но они долго не хотѣли мнѣ вѣришь, думая, что Рускіе не могутъ говорить ни по-Нѣмецки ни по-Французски. Разговоръ продолжался. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ щастіе бысть въ Голландіи, и скопилъ тамъ много полезныхъ знаній. „Кто хочетъ узнать свѣтъ, говорилъ онъ, тому надѣбноѣ хатъ въ Роттердамѣ. Тамъ по живутъ славно, и всѣ гуляютъ на шлюпкахъ. Нигдѣ не увидишь того, что тамъ увидишь. Повѣрь же мнѣ, государь мои, что въ Роттердамѣ я спалъ человѣкомъ., — Хорошъ гусь! думалъ я — вспалъ, походилъ по лугу, и возвратился въ корчму, где написалъ сии строки.

Полонга, $\frac{3}{4}$ Іюня

1789.

Наконецъ, проѣхавъ Курляндію болѣе двухъ сопѣ верстъ, вѣхали
Г мы

мы въ Польскія границы, и остановились ночевать въ богатой корчмѣ. Въ день переѣзжаемъ обыкновенно десять миль, или верстъ семдесѧтъ. Въ корчмахъ находили мы по сіе время что пить и ъесть, и не за большія деньги. Давали намъ супъ, жареное съ салапомъ, яицы; и за это платили мы не болѣе, какъ копѣекъ по двадцати съ человѣка. Есть всегда кофе и чай; правда, что все не очень хорошо. — Дорога довольно пуста. Кроме фурмановъ, кооторые намъ раза три попадались, и спартакидныхъ берлиновъ, въ кооторыхъ Курляндскіе дворяне ъздали другъ къ другу въ гости, не встрѣчались намъ никакіе проѣзжіе. Впрочемъ дорога не скучна; вездѣ видишь плодоносную землю, луга, рощи; шамъ и сямъ маленькия деревеньки, или врозь разсѣянные крестьянскіе домики.

Съ Французскимъ Италіанцомъ мы ладимъ. Къ Француженку у меня не лежитъ сердце, для того что
ся

ея физіономія и ухватки мнѣ не нравится. Впрочемъ можно ее похвалить за опрятность. Лишь только оспа-
новимся, извощикъ нашъ Гаврила, ко-
тораго она зоветъ Габріелемъ, дол-
женъ нести за нею въ горницу убор-
ной ларчикъ ея, и по крайней мѣрѣ
часть она помадится, пудриится, при-
ширается и проч., такъ что всегда
нацѣбно ее дожидаться къ обѣду. Дол-
го совѣтовались мы, сажать ли съ со-
бою за сполъ Нѣмцовъ. Мнѣ пору-
чено было узнать ихъ состояніе. От-
крылось, что они купцы, торгующіе
виномъ. Всѣ сомнѣнія исчезли, и съ
того времени они съ нами обѣдаютъ;
а какъ Испанецъ съ Француженкою
не разумѣющій по-Нѣмецки, а они по
Французски, то я долженъ бываю слу-
жить имъ переводчикомъ. Нѣмецъ, ко-
торой въ Роттердамѣ спалъ человѣ-
комъ, увѣрялъ меня, что онъ прежде
совершенно зналъ Французской языкъ,
и забылъ его весьма недавно; а чтобы
еще болѣе увѣришь въ этомъ меня и
товарища своего, что при всякомъ по-

клонъ Француженкъ говоритъ онъ:
obligé, Madame!

На Польской границѣ визитациѣ
была не спротивлена. Я далъ осмотрщикамъ копѣекъ сорокъ; послѣ чего они
только заглянули въ мой чемоданъ,
положась на мое слово, что у меня
нѣть ничего новаго.

Море отъ корчмы не далѣе двухъ
сотъ саженъ. Я около часа сидѣлъ
на берегу, и смотрѣлъ на проспран-
спво волнующихся водъ. Видъ вели-
чественной и унылой! Напрасно гла-
за мои искали корабля или лодки!
Рыбакъ не смѣлъ показаться на морѣ;
порывистой вѣтръ опрокинулъ
бы его челночекъ. — Завтра будемъ
обѣдать въ Мемель, откуда отправ-
лю къ вамъ это письмо, друзья мои!

Мемель, ۷ ۱۷۸۹

1789.

Я ожидалъ, что при вѣзде въ
Пруссію на самой границѣ настѣ остан-
новятъ; однако жъ этого не случилось.
Мы прїехали въ Мемель въ одиннад-
ца-

цапомъ часу, и остановились въ трактирѣ.

Городъ не великъ; есть каменныя спроенія, но мало порядочныхъ. Цитадель очень крѣпка; однако жь наши Рускіе умѣли взять ее въ 57 году.

Мемель можно назвать хорошимъ торговымъ городомъ. Курляндской гафъ, на которомъ онъ лежитъ, очень глубокъ. Пристань наполнена разными судами, которыя грузятъ по большой части пенькою и лѣсомъ для отправленія въ Англію и Голландію.

Изъ Мемеля въ Кенигсбергъ три пушки; по берегу гафа считаются до Кенигсберга 18 миль, а черезъ Тильзитъ 30: большая розница! Но извозчики всегда почти избираютъ сей послѣдній путь, жалѣя своихъ лошадей, которыхъ весьма утомляютъ ужасные пески набережной дороги. Всѣ извозчики, ѣдущіе въ Кенигсбергъ, берутъ здѣсь билеты и платятъ съ лошадей пошлину. Нашъ Гаврила за шесть лошадей заплатилъ три Курляндскихъ палера, сказавъ, что онъ

пойдемъ берегомъ. Мы же въ самомъ дѣлѣ ѿдемъ черезъ Тильзипъ; но есть-жи бы онъ сказалъ правду, то ему споило бы это почти вдвое, по потому что плаша идетъ по лошадямъ и по милямъ: и такъ вмѣсто 18 надлежало бы ему заплатить за 30 миль.

— Третій путь водою черезъ гафъ, самой кратчайшій въ хорошую погоду, такъ что въ семь часовъ можно бывать въ Кенигсбергѣ. Нѣмцы наши, кооторые наняли извоющика только до Мемеля, ѿдумъ водою, что имъ обоимъ будемъ споить только два червонца. Гаврила уговаривалъ и насъ съ Ишамянцомъ — съ кооторымъ обыкновенно говорилъ онъ или знаками, или черезъ меня — ѿхать съ ними же, что было бы для него весьма выгодно; но мы предпочли покойное и вѣрное беспокойному и невѣрному, а въ случаѣ бури и опасному.

Лишь только мы прїехали, явились осмотрщики и взяли съ насъ по нѣсколько грошей, чтобы не перерывать нашихъ вещей.

За обѣдомъ ъли мы живую, весьма вкусную рыбу, которою Мемель изобилуетъ; а какъ намъ сказали, что Прусскія корчмы весьма бѣдны, по мы запаслись здѣсь хорошимъ хлѣбомъ и виномъ.

Теперь, милые друзья, пора отнести письмо на почту; у насъ лошадей впряженъ.

Что принадлежитъ до моего сердца, то, благодаря Судьбѣ! оно спало повеселье. То думаю о васъ, моихъ милыхъ — но не съ шакою уже горестію, какъ прежде — то даю волю глазамъ своимъ бродить по полямъ и по лугамъ, ничего не думая; то представляю себѣ будущее, и почти всегда въ пріятныхъ видахъ. — Проспите! Будьте здоровы, спокойны, и воображайте себѣ странствующаго друга вашего рыцаремъ веселаго образа! — Проспите!

(Продолженіе будетъ въ слѣдующемъ лѣсіцѣ.)

САМОУБІЙЦА.

Анекдотъ.

Аббатъ Н *, Раздавашель милостыни при Французскомъ Посольствѣ въ Женевѣ, игралъ важную роль въ Женевскихъ общеспвахъ. Онъ былъ довольно ученъ, весьма знакомъ со всѣми Французскими и полуславными Стихотворцами и Прозаистами, остроуменъ, веселъ, забавенъ, и проч. и проч. Отъ шести часовъ до осьми — время, въ которое обыкновенно въ вечернихъ Женевскихъ собраніяхъ всѣ безъ исключенія садящіяся за карточные столы — былъ онъ душою дамской бесѣды, загадывалъ загадки, шарады; разсказывалъ смѣшные и прогаительные Парижскіе анекдоты, и тому подобное. *L'aimable Abbé!* говорили Дамы, садясь за карпы.

Въ мірѣ все подвержено переменѣ — въ физическомъ и моральномъ — и вдругъ веселой, забавной Аббатъ спалъ задумчивъ, печаленъ, молчаливъ. Въ собраніяхъ являлся онъ такъ

такъ же часпо , какъ и прежде , но
ролю игралъ совсѣмъ иную . Нѣрасно
Дамы хотѣли ввеспи его въ разго-
воръ : отвѣты его были коротки ,
улыбки принуждены . Что сдѣлалось
съ нашимъ Аббатомъ ? говорили всѣ
его знакомые , и никто не могъ сы-
скать причины такой внезапной пере-
мѣны . Нѣкоторыя изъ пріятельницъ
его хотѣли проникнуть въ тайну ;
однако жь всѣ приступы были без-
успѣшны . На примѣръ : „Съ нѣкотораго
времени вы печальны , Г . Аббатъ . , , —
Я , сударыня ? Може пѣсть . —
„Друзья ваши берутъ участіе въ ва-
шей горести , хотя и не знаютъ
причины ея . , , — И я не знаю ее . —
„Позвольте въ этомъ сомнѣваться , —
Какъ вамъ угодно . — — Однимъ
словомъ , Аббатъ молчалъ , и Дамы
наконецъ его оставили . Другой Аб-
батъ , прїехавшій изъ Парижа , засту-
пилъ его мѣсто .

Въ сїе время я узналъ его . Ему
было за сорокъ лѣтъ ; однако жь по
свѣжести лица его , которая и отъ

самой печали не увяла, всякой бы почелъ его прицдати - пяшильшнимъ человѣкомъ. Видѣть его былъ сумраченъ и важенъ; глаза его были томны, но въ нихъ блескали еще искры того огня, изъ котораго Физіономисты споль многое заключають. Нѣсколько разъ встрѣчался я съ нимъ въ уединенныхъ своихъ прогулкахъ; нѣсколько разъ находилъ я его сидящаго подъ каштановыми деревьями на пригоркѣ, откуда на правой сторонѣ видны снѣжные Савойскія горы, прямо Женевское озеро, а на лѣвой синяя гора Юра, которая проспираетъ до самого Базеля. Ему конечно мѣсто сїе было такъ же любезно, какъ и мнѣ. Задумчивъ, углубленъ въ самого себя, смотрѣлъ онъ на увядашій дернъ — уже приближалась зима! — или на тихое озеро. Иногда садился я подъ него, и думалъ о друзьяхъ своихъ. Оба мы думали и молчали.

Секретарь Посольства, проснувшись однажды въ три часа за полночь, увидѣлъ огонь въ комнатѣ у Аббаша,

которая отъ его комнаты отдѣлялась одною перегородкою съ стекляною дверью. Ему захотѣлось узпашь, что дѣлаетъ Аббатъ. Вспавъ съ поспѣли, отдернувъ онъ занавѣсъ надъ дверью, и увидѣлъ его споящаго на колѣняхъ передъ Распявшимъ, кото-
рое прибито было на спѣнѣ. Руки
его были просперты къ предмету,
имъ обожаемому; сердечное умиление
изображалось на его лицѣ; блестящія
слезы капились изъ глазъ его. Моло-
дой Секретарь никогда не былъ набо-
женъ; но сей видъ возбудилъ въ ду-
шѣ его глубокія чувствъ благоговѣнія.
Онъ споялъ неподвижно. Черезъ нѣ-
сколько минутъ Аббатъ всталъ, сѣлъ
и началъ писать. Секретарь легъ
опять на поспелю, но не могъ за-
снуть. Свѣча горѣла у Аббата до са-
мого упра. Въ девяшь часовъ вышелъ
онъ изъ своей комнаты. Глаза у него
были красны, лице блѣдно; впрочемъ не
примѣтило было въ немъ никакого без-
покойства. Секретарь спросилъ у не-
го, поѣтъ ли онъ спалъ? Очень

покойно, отвѣчалъ Аббатъ, и предложилъ ему ишпи прогуливаться. Они вышли на Грель (*), ходили взадъ и впередъ около часа, и разговаривали о погодѣ и тому подобномъ. День былъ праздничной, и Аббату въ десять часовъ надлежало служить обѣдню. Службу отправлялъ онъ съ отмѣннымъ усердіемъ. Возвратясь въ свою комнату, надѣлъ онъ серпукъ и пошелъ со двора. Пришелъ часъ обѣда, Аббатъ не возвращался; пришелъ часъ ужина, Аббатъ не возвращался; прошла ночь, и его все еще не было дома. Поупру Секретарь увѣдомилъ о томъ Посланника. Послали спрашивать о немъ къ его знакомымъ; но никто не видалъ его. Послали наконецъ спросить о немъ въ караульняхъ. Часовой у Швейцарскихъ воротъ сказалъ, что Аббатъ наканунѣ въ первомъ часу по полудни вышелъ изъ города. Спрашивали въ окрестностяхъ; но больше не могли о немъ ничего свѣдать.

Въ

(*) Гульбище Женевское.

Въ комнатѣ его нашли въ цѣлости всѣ его пожитки и даже нѣкото-
рую сумму денегъ, и потому увѣри-
лись, что Аббатъ, оставляя свою
комнату, не былъ намѣренъ пуще-
шествовать по бѣлому свѣту. Аббатъ
пропалъ! говорили въ городѣ, и на-
конецъ позабыли Аббата. У него не
было друзей! Онъ не имѣлъ того,
что я имѣю!

Тамъ, гдѣ дикая Арва сливається
съ зеленою Роною, прогуливались два
чужестранца, и разговаривали о жиз-
ни человѣческой. Быстро, быстро
печетъ она! сказалъ одинъ изъ нихъ,
взглянувъ на спремищельную Рону, и
увидѣлъ — несущееся тѣло; большой
камень остановилъ его.

Тѣло вытащили, и узнали неща-
стной жребій Аббата. Два мѣсяца ле-
жалъ онъ въ водѣ. Глазъ было со-
всѣмъ не видно; синее, размокшее
лице устрашало взоры чувствитель-
наго. Въ одномъ карманѣ нашли у не-
го муфту, въ другомъ черную его
мантию.

Трупъ

Трупъ погребли въ первомъ Французскомъ селеніи, вершахъ въ трехъ отъ Женевы, безъ всякаго обряда. Нѣтъ камня на могилѣ его — нѣтъ надписи. Страшливое суевѣріе бѣжитъ отъ сего мѣста. Тушъ лежитъ погибшій, говорятъ поселяне.

Причина, для чего Аббатъ вознавидѣлъ жизнь, по сїе время не извѣстна.

К.

Т Е А Т РЪ.

Эмilia Галотти, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сотиненная Фм. Пессингомъ; переводъ съ Нѣмецкаго.

Сія Трагедія есть одна изъ тѣхъ, которыхъ почтенная Московская Публика удостоиваетъ особенного своего благоволенія. Уже нѣсколько лѣтъ играется она на здѣшнемъ Театрѣ, и всегда при рукоплесканіяхъ зрителей. — Первой переводъ ея напечатанъ въ Петербургѣ, а второй, по которому она представляется, здѣсь въ Москвѣ.

Но

Не много найдется Драмъ, ко-
торыя сославляли бы такое гармони-
ческое дѣло, какъ сія Трагедія — въ
которыхъ бы всѣ приключенія такъ
натурально связаны, и всѣ характеры
такъ искусно изображены были, какъ
въ Эмилии Галоппи. Главное дѣйствіе
возмущительно, но не менѣе того
есстественно. Римская Испорія пред-
ставляетъ намъ примѣръ такого ужа-
снаго дѣла. Одоардо былъ въ такихъ
же обстоятельствахъ, какъ и оной Рим-
лянинъ; имѣлъ такой же великой духъ,
гордую чувствительность и напыщен-
ное понятие о чести. Разсмотримъ
только поближе его положеніе, чув-
ства и мысли, занимавшія душу его
передъ свершеніемъ убийства.

Умершили жениха его дочери,
столько любезнаго ему и ей — умер-
шили для того, что Принцу угодно
было избрать невѣсту предметомъ
сладострастныхъ своихъ спремленій;
обманомъ привели дочь его къ Принцу,
и не хотѣли отдать ее отцу подъ
предлогомъ, будто бы надлежало ее

допросить въ судѣ, не знаетъ ли она убийцы жениха своего. Сей вымыселъ, достойной ада и Каммергера Маринелли — вымыселъ, которой былъ еще злобиѣ вымысла Римскаго Десемвира — долженъ былъ привести въ бѣшенство пламеннаго Одоардо. Въ первомъ движении праведнаго гнѣва своего хотѣлъ было онъ заколоть и сладострастнаго Принца и злобнаго помощника его; но мысль: мнѣ ли убивать, какъ бандиды убиваютъ? остановила его руку. Надлежало на что либудь рѣшииться, и на что нибудь великое, достойное такогого мужа, каковымъ представленъ намъ Одоардо. Уже ли онъ такъ покорился обстоятельствамъ, такъ вдругъ унизился въ чувствахъ, чтобы отдать Эмилію въ наложницы Принцу — тому, кто почиталъ себя выше всѣхъ обстоятельствъ, кто спрахъ почиталъ за низость? Одоарду быть опечемъ обезчещенной женщины? Одоарду снести, чтобы на него указывали пальцами, и говорили съ злобною усмѣшкою:

„Вонъ“

„Вотъ топъ, кто никогда не хотѣлъ унижаться передъ нашимъ Принцомъ, кто почилъ себя выше всѣхъ обидъ со стороны его, но кто съ низкимъ поклономъ отдалъ ему дочь свою, и принесъ покорнѣйшую благодарность за то, что езу, или его помощнику, угодно было отправить на топъ свѣпъ жениха нѣжной Эмилии?,,
Какія же средства оспавались ему спасти ее? Къ законамъ ли прибѣгнуть, шамъ, гдѣ законы говорили успами того, на кого бы ему просить надлежало? Увезли ли ее силою ошпуда, гдѣ гвардія хранила входъ и выходъ?
— Обрашимъ теперь глаза на Одарда.

Онъ утихаєтъ и задумывается. Наконецъ, какъ опѣ сна пробудившись, говоритъ онъ: „Хорошо! Дайте мнѣ только видѣться, одинъ разъ видѣться съ моей дочерью!,, Тутъ, будучи оспавленъ самому себѣ, сражается онъ съ ужасною для него мыслию: „Еслыли она сама уговорена? Еслыли она сама съ нимъ согласна?

Есть ли она недостойна того, что я для нее сдѣлать хочу?,, И такъ онъ уже рѣшился; но на что, зритель еще не знаетъ. „Что же хочу я для нее сдѣлать? продолжаетъ Одоардо: Осмѣлюсь ли это сказать самому себѣ? Ужасная мысль!,, — Здѣсь зритель готовится къ чему нибудь спрашному. — „Нѣтъ, нѣтъ! не буду ее дожидаться! (Смотря на небо) Кто ее безвинно ввергнулъ въ эту бездну, пускай Тотъ и спасаетъ ее! На что Ему рука моя?,, — Вотъ черпа, копорая показываетъ, сколь хорошо зналъ Авторъ сердце человѣческое! Когда человѣкъ въ крайности рѣшился на что нибудь ужасное, рѣшеніе его, пока еще не приспустилъ онъ къ исполненію, бываетъ всегда, такъ сказать, неполное. Все еще ищетъ онъ кромчайшихъ средствъ — не находить, но все ищетъ, какъ будто бы не вѣря глазамъ или разсудку своему. Обратимся къ Одоарду. Въ самую ту минуту, какъ онъ воображаетъ себѣ всю ужасность своего намѣре-

ренія и содрогается, предстаетъ душъ его мысль о Провидѣніи, кото-
рому онъ вѣрилъ въ жизни своей.
„Какъ! не уже ли Оно попуститъ
торжествовать пороку? Не уже ли
Оно не спасетъ невинности? По че-
му знать, какими средствами? „ Съ
свою мыслѣю хочетъ онъ испытать;
но тутъ являемся Эмилія. Поздно!
восклицаетъ онъ — и мысль, что
Провидѣніе носылаетъ къ нему дочь
его, съ тѣмъ, чтобы онъ рѣшилъ
судьбу ея, какъ молния проницаетъ его
душу. Такія скорыя перемѣны въ воз-
намѣреніяхъ матущейся души весьма
естественны. Она бываетъ вниматель-
на къ самому вѣтерку, и слушаетъ,
не шепчется ли ей какой гласъ съ не-
ба. Эмилія представляется глазамъ
его въ самое то время, какъ онъ хо-
четъ отъ нее удалившись — это зна-
чило для него: *не удаляйся.*

Теперь остается ему только увѣ-
риться въ добродѣтели своей Эмиліи ---
и увѣряется въ оной --- и находитъ въ
дочери своей героиню, которая язы-

комъ Катона говоришъ о свободѣ человѣка. Гдѣ топъ человѣкъ, восклица-
етъ она, которой другова человѣка
къ чему нибудь приневолишь можетъ?
Я боюсь не насилия, а соблазна: я
женщина.,, Тутъ въ душѣ Одоардовѣ
должны были возбудиться всѣ прежнія
ужасныя для него мысли о дочери
обезчещеной. Тутъ Эмилія требу-
етъ кинжала, починая въ фанатизмѣ
своемъ такое самоубійство за дѣло
святое. „Для избѣжанія соблазна, го-
воришъ она, тысячи бросались въ во-
ду и становились святыми.,, Одоар-
до, желая увѣришься въ ея рѣши-
ости, даетъ ей кинжалъ — она хо-
четъ заколоться, но онъ вырываетъ
его, сказавъ: „Это не для твоей ру-
ки.,, При сихъ словахъ онъ долженъ
былъ думашь: „У тебя есть отецъ;
такъ или инакъ, но ему надлежитъ спа-
сти тебя.,, Эмилія, срывая у себя съ
головы розу, хочешъ его еще болѣе про-
нушъ. „Ты не должна украшать во-
лосы такой, какою отецъ мой хочешъ
меня видѣть!,, Одоардо отвѣчаетъ
полъ-

шолько повтореніемъ ея имени — произносилъ ли онъ его когда нибудь въ жизни своей такимъ голосомъ и съ такимъ чувствомъ! Душа его обнаружилась передъ пропицательною Эмилиею. „О! еспѣли угадываю ваши мысли! говориша она, пристально смотря ему въ глаза: Но нѣтъ, вы и ѿпова не хопите. Для чего же бы медлишь? (*Петальныиъ голосомъ, разрывая розу*) Нѣкогда былъ такой отецъ, которой, избавляя дочь свою отъ посрамленія, пронзилъ кинжаломъ грудь ея, и — впорично даровалъ ей жизнь. А нынѣ нѣтъ уже такихъ дѣлъ! нѣтъ уже такихъ отцовъ!,, Мне кажется, что я въ сю минуту вижу всю душу Одоардову. „И такъ дочь моя думаешь сама, что я могу умертвить ее — что я не имѣю иного способа избавить ее отъ безчестія, и по тому долженъ умертвить ее? И такъ былъ примѣръ дочеубийства? Былъ дочеубийца, которому удивляется попомство? И могли ли обстоятельства

его быть ужаснѣе моихъ? Кажется, что я уже слышу тирана, идущаго похитить у меня дочь мою. Нѣтъ, нѣтъ! онъ не похититъ, не обезчеститъ ее! Есть еще другой Виргиній *объ свѣтѣ*, *доть моя, есть!*,, — И хладное желѣзо пронзаетъ Эмиліну грудь, и Эмилія издыхаетъ въ объятіяхъ убійцы, отца своего, и зритель чувствуетъ, что Одоардо могъ заколоть Эмилію, такъ какъ Виргиній закололъ Виргинію, и Эмилія Галопти пребудетъ вѣнцемъ Лессинговыхъ драматическихъ швореній.

И сколь напурально было Одоарду заколоть дочь свою, спольже напурально было ему и раскаяться въ первой мигъ по свершеніи дѣла, и, видя падающую Эмилію, воскликнуши: „Боже! что я сдѣлалъ!,, Онъ почувствовалъ себя отцемъ, убившимъ дочь свою. — Все, что онъ говоришъ по томъ Принцу, раздираетъ душучувствительнаго зрителя. Не хочетъ онъ убить себя. „Вотъ окровавленной знакъ моего преступленія! говоритъ онъ,

онъ, бросая кинжалъ: Я самъ пойду въ шемницу. — Гордость замерла въ сердцѣ его; *тщество своего дѣла* заглушаетъ въ немъ всѣ иныя чувства. —

Что принадлежитъ до характеровъ, то не знаю, въ какомъ наиболѣе удивляясь искусству Авторову. Гордой, благородной Одоардо; чувствительная, пылкая Эмилія; сладострасной, слабой, но притомъ добродушной Принцъ, могущій согласиться на великое злодѣяніе, когда то способствуетъ удовлетворенію его спраски, но всегда достойной нашего сожалѣнія; Маринелли, злодѣй по воспитанію и по привычкѣ; Орсина, отъ ревности съ ума сошедшая, но умная въ самомъ своемъ сумасшествіи; Клавдія, слабая женщина, но нѣжная мать; Графъ Аппіани, кото-раго зритель любитъ еще прежде, нежели онъ на сцену выходитъ, и которой обнаруживаетъ въ себѣ сполько чувствительности и любви въ разговорѣ съ Эмиліею, и сполько благородства въ жаркомъ переговорѣ съ

Маринелли ; Совѣтникъ Камилло Рота, кошорой, сказавъ только нѣсколько словъ, заставляєтъ насъ почитать въ себѣ мужа рѣдкой добродѣтели ; ученой живописецъ съ своею пластическойю нашурою и съ Рафаелемъ безъ рукъ ; честной разбойникъ и убийца , и наконецъ всякой слуги , кошорой выходитъ на сцену — все , все показываетъ , что Авторъ наблюдалъ человѣческое не два дни , и наблюдалъ такъ , какъ немногіе наблюдаютъ удобны ; что Нашура дала ему живое чувство испины , которое и Автора и человѣка дѣлаетъ великимъ.

Сколько прекрасныхъ сценъ ! Тамъ , гдѣ живописецъ приноситъ Принцу портреты , гдѣ Маринелли сказываетъ ему о помолвкѣ Эмилійной , гдѣ Апіани является съ своею меланхоліею , гдѣ Маринелли старается раздражить спросить Принцову , представляя ему опасность лишилась Эмиліи ; гдѣ Клавдія какъ отчаянная мать клянеть Маринелли , и наконецъ всѣ сцены чеп-

четвертаго и пятаго акта одна дру-
гой интереснѣе.

Діалогъ же всегда такъ напура-
ленъ, что и Актеръ и зришель мо-
жетъ забыть — одинъ, что онъ на
Театрѣ, а другой, что онъ въ Те-
атрѣ.

Еспѣли надобно сказать нѣсколь-
ко словъ объ игрѣ Актеровъ, то не
льзя прежде всего не пожалѣть о томъ,
что Театръ Московской лишился Гжи.
Ульяны Синявской (*), которая такъ
прекрасно играла роль Эмиліи — ко-
торая съ такимъ чувствомъ говорила
намъ объ опасности соблазна въ седь-
мой сценѣ послѣдняго акта. Кто намъ
се замѣнилъ?

Господинъ Померанцевъ, нашъ
Гаррикъ, нашъ Моле, нашъ Экгофъ,
ни въ какой ролѣ сполько не удив-
ляешъ насъ своими дарованіями, какъ
въ ролѣ Одоарда. Самъ Экгофъ, ко-
тораго игрою восхищался Лессингъ,

Д 5

ед-

(*) Публика къ удовольствію своему опять ви-
дѣла ее на Театрѣ.

едва ли могъ лучше представить
его. Какая величавость, какая муже-
ственность въ его поступи, въ его
тѣлодвиженїяхъ, когда онъ выходиша
на сцену! Въ спокойномъ разговорѣ
видно искусство его такъ же, какъ и
въ жаркомъ. Пусть покажутъ намъ
Акшера, которой превзошелъ бы По-
меранцева въ игрѣ глазъ, въ скорыхъ
перемѣнахъ лице и голоса! На прим.
когда онъ входиша въ шестой сцены
четвертаго акта, лицо его показы-
ваетъ все, что сердцу его чувстви-
вать надлежало: — беспокойство, не-
щерпѣніе въ вышней степени. Какимъ
прогательнымъ голосомъ говоритъ
онъ: „Какая связь между мишенемъ
порока и оскорбленною добродѣтелю?
Ее только мнѣ спасти должно. А за
тебя, мой сынъ — я никогда не
умѣлъ плакать, а теперь уже не начну
учиться — за тебя другой вступиш-
ся.,, — Какъ пылаютъ глаза его, какъ
гримитъ его голосъ, когда онъ про-
износитъ свое заклинаніе: „Пусть
каждое сновидѣніе явлеши ему
окро-

окровавленного жениха, ведущаго къ ложу его невѣсту свою, и когда онъ еще проспрѣть къ ней сладоспрастия свои объятія, то да услышитъ вдругъ посмѣяніе ада, и пробудится!,, Тонъ, кошорымъ онъ отвѣчаетъ Маринелли въ третьямъ явленіи пятаго дѣйствія, есть самой выразительной и мастерской. Одинъ Кришикъ сказалъ: „Да у него во всѣхъ представлѣніяхъ одинъ тонъ!,, Такому Кришику можно отвѣтить, что испинной или лучшій тонъ есть одинъ; когда Актеръ нашелъ его, то перемѣнять его не должно. — Коротко сказать, вся игра Господина Померанцева въ сей Трагедіи прекрасна. Только бы могъ онъ еще съ сильнейшимъ движеніемъ и спрашившимъ голосомъ произносить: „Есть еще, дочь моя, есть!,, Лучше бы также было, если бы онъ, окончивъ свою роль, не становился на колѣни подъ лежащей Эмилии, съ которой онъ уже проспался, обращаясь къ Принцу. Ему бы надлежало, кажется, оспаться въ

глу-

глубокой задумчивости, съ потупленнымъ взоромъ, между тѣмъ какъ говорить Принцъ. — Однажды, по окончаніи Трагедіи, почтенная Московская Публика встрѣтила Г. Померанцева съ громкимъ рукоплесканіемъ, когда онъ показался въ партерѣ. Сѣи минуты были минутами торжества шаланировъ. Всѣ къ нему тѣснились — со всѣхъ споронъ окружали его, и привѣтствовали плескомъ. Одинъ изъ Зринелей бросилъ ему при семъ случаѣ слѣдующіе стихи:

*Кого съ пleskaniemъ партерѣ теперь
встрѣтаетъ?*

Кого въ восторгѣ онъ пріятномъ окружаетъ?

*Того, кто густою нещастнаго отца
Искусствомъ могъ вліять всѣмъ зрителямъ въ сердца;*

*Кто сильною игрой и важными словами,
На сценѣ бывъ, садѣлъ всѣхъ зрителей душами;*

Кто всѣхъ сердца привлечь къ невинности возмогъ,

*И ненависть во всѣхъ къ пороку кто
возжегъ;*

*Кто Мельпоменою безсмертье полу-
таетъ,*

*Того съ плесканіемъ партеръ теперь
встрѣтаетъ.*

Госпожа Померанцева очень хорошо представлялась намъ Клавдію, а особенно въ жаркой сценѣ съ Маринелли.

Зная таланты Господина Лапина, увѣренъ я, чтобы онъ могъ еще лучше играть роль Принца, которая конечно достойна всякаго хорошаго Актера, и въ которой всякой хорошій Актеръ можетъ показать таланты свои. Игра его теряла много и отъ того, что онъ почти никогда не зналъ твердо своей роли — небреженіе, весьма непрѣятное для Публики! Но въ заключеніи пѣссы всегда опмѣнно пропагандѣально произносилъ онъ: „Боже, Боже мой! „, и проч.

Графиню Орсину представлялъ Госпожа Марья Сипявская съ великимъ искусствомъ, и я увѣренъ, что самъ

Авторъ былъ бы доволенъ ея истрою. Только бы желалъ я, чтобы воссторгъ ея въ концѣ седьмой сцены четвертаго акта болѣе похожъ былъ на изспущеніе — чтобы изображалось въ глазахъ ея болѣе дикой, свирѣпой радости. Песа потеряла бы весьма много, еспѣли бы роли сїю играла не такая искусная Актриса.

Господинъ Залышкинъ конечно имѣетъ способности, но не для роли Каммергера Маринелли, которая имѣетъ въ игрѣ великія шонкоспии. Авторъ весьма много оставилъ въ ней для глазъ и шона; а это все, къ сожалѣнію, пропадаетъ. Въ Шекспировой Трагедіи, Отелло, роля злодѣя Яго едва ли труднѣе сей; а ее часто игралъ Гаррикъ.

Роля живописца имѣетъ свои трудности. Актёру надобно имѣть идею объ ученыхъ Италіянскихъ живописцахъ, и о шонѣ, какимъ говорятъ они съ Принцами. Господинъ Сахаровъ играетъ ее не весьма хорошо, говорить не напуральнымъ, слишкомъ гром-

громкимъ голосомъ, ни мало его не перемѣняетъ, и во всѣхъ своихъ пѣло-
движеніяхъ слишкомъ мало оказываетъ
почтенія къ Принцу. Но надобно
сказать, что Г. Сахаровъ имѣетъ
шакія способности, по которымъ
можно ожидать отъ него весьма хо-
рошаго Актера.

Господинъ Украсовъ изрядно иг-
раетъ роль Графа Аппіани; только
бы надобно было побольше нѣжности
въ голосѣ, когда онъ говоритъ съ
Эмиліею.

Господинъ Ожогинъ также изряд-
но представляетъ Бандида. — О роль
Совѣтника и слугъ говорить нечего.

Эмилія Галошпи конечно не сой-
детъ съ Московскаго Театра, пока
не сойдутъ съ него Господинъ Поме-
ранцевъ и Госпожа Марья Синявская.

О КНИГАХЪ.

Кадмъ и Гармонія, древнее повѣстование, въ двухъ Составѣ. — Москва, въ Университетской Типографіи 1789.

Сїе твореніе должно по справедливости возбудить вниманіе всѣхъ, любящихъ Россійскую Литературу.

Кому не извѣстна басня Кадма и Гармоніи или Герміоны, которую разсказываетъ Овидій? Но изъ сей басни Авторъ нашъ взялъ, такъ сказать, только одну одежду для своего творенія.

Философъ не-Поэтъ пишетъ моральные диссертациіи, иногда весьма сухія; Поэтъ сопровождаспъ мораль свою плѣнительными образами, живишъ ее въ лицахъ, и производишъ болѣе дѣйствія. Такимъ образомъ Сочинитель Кадма хотѣлъ въ привлекательной миѳологической одеждѣ сообщить свои правоученія, политическія наставленія и понятія о разныхъ вещахъ, важныхъ для человѣчества; учить насъ, такъ сказать, непримѣшно,

пи-

Ииша я наше любопытство пріятнымъ
новѣствованіемъ вещей чудесныхъ —
однимъ словомъ, онъ хошѣлъ написать
намъ впораго Телемака.

Почтенной Авторъ въ предисло-
віи своемъ говоритъ, что Кадмъ его
есть не *Поэма*, а *простая поэсія*;
но когда повѣсть есть не испорія, а
вымыселъ, то она, кажеся, есть По-
эма — Эпическая или нѣть, но все
Поэма — спихами или прозою пи-
санная, но все Поэма, которая по
общепринятыму понятію на другихъ
языкахъ означаетъ всякое твореніе во-
образительной силы. Такимъ образомъ
Комедія, Романъ есть Поэма.

Теперь предложимъ кратко се-
дർжаніе.

Кадмъ, сынъ Царя Агенора Фи-
никійскаго, ищетъ сестры своей Евро-
пы, похищенной Юпитеромъ; нахо-
дитъ въ Критскомъ Лабиринѣ Гар-
монію, дочь Марса и Венеры; женивш-
ся на ней, по велѣнію Оракула за-
водитъ новое царство въ Беотіи,
сперва царствуетъ со славою, по томъ

развращається, изгоняється подданными, странствуетъ въ бѣдности съ добродѣтелью своею супругою Гармоніею, отвергаетъ новую корону, по томъ снова оскорбляетъ боговъ, разлучается съ Гармоніею, вдається въ сладострастіе, исправляется, находитъ Гармонію и Европу, но не сеспру свою, а землю сего имени, и, слѣдуя волѣ боговъ, оспається памъ навсегда жиць въ мирѣ среди Славянскаго народа, отправя царствованіе въ Беотію сына своего. — Авторъ начинає свое твореніе описаніемъ благополучнаго Кадмова царствованія; предшедшіе случаи его жизни разсказываются по томъ имъ самимъ, то есь Кадмомъ.

Въ семъ сочиненіи найдемъ Читатель, кроме разсужденій, прекрасныя поэтическія описанія, любопытныя завязки, интересныя положенія, чувства возвышенныя и прогательныя, обороты свободные и напуральные; слогъ же всегда пріятенъ и возвышенъ безъ надупости. Въ доказательство

ска-

сказанного нами, раскроемъ Кадма, и выпишемъ изъ него тѣ мѣста, кото-рыя намъ въ глаза попадутся.

Открылась вторая книга. Кадмъ спановиша недоспойнъ дарствовашъ, и боги посылаютъ Оивамъ другаго Царя. Вотъ описаніе сего послан-наго :

„Кадмъ зритъ нѣкоего мужа, съ „лирою въ рукахъ грядущаго, свя- „щенные пѣсни воспѣвающаго, и ве- „ликимъ числомъ народа сопровожда- „емаго. Чело его лавровымъ вѣнцемъ „было увязенно, багряница рамена „его покрывала; былъ онъ вида кра- „сиваго и величаваго; при каждомъ „перстовъ его прикосновеній ко злато- „струнной лирѣ древеса и камни ка- „зались одушевленными и съ мѣстъ „своихъ пронуться хопящими; иши- „цы, тихимъ пареніемъ надъ нимъ „извиваясь, крылами своими его гла- „ву пріосѣняли; дикіе эвѣри, смяг- „чивъ свою свирѣпость, притекали „лобызать ноги пѣснопѣвца; окру- „женный младыми Нимфами, несущими

„ въ рукахъ жезлы, обвитые цвѣтами, и главы гроздями покровенны имѣющими, шествовалъ онъ прямо ко граду; врана предъ нимъ опроверзлись, и Оивяне свои колѣна предъ нимъ преклонили. Казалось, нѣкій богъ вступилъ въ Беотійскую сполицу; но то не богъ былъ. — Прекрасная картина! испинная Позія! Здѣсь Чишатель жаждетъ узнать сего богоподобнаго мужа.

Перевернемъ еще нѣсколько листовъ, и послушаемъ разсужденіе о разныхъ образахъ правленія. Кады говоришь въ собраніи Фессалійскаго народа, обращаясь къ вельможамъ, хотящимъ установить Аристократическое правленіе.

„ Мужи знаменитые, отцы и защипники Фессалійскаго народа! я ни мало не сомнѣваюсь, чтобы не испинная къ вашему отечеству любовь побуждала васъ поработить царство ваше собственному вашему чинонаачальству. Вы находите образъ такого правительства для васъ „, ко-

„ конечно удобнѣйшимъ и народу не-
„ лезнѣйшимъ; но помыслише, о бого-
„ боязnenные спарцы и юноши! коль
„ дивный испуканъ на Фессалійскомъ
„ пресполѣ соорудить вы дерзаеше!
„ Вы предпрїемлете составить единый
„ ликъ Царя изъ разныхъ членовъ ва-
„ шего общества; уничтожая Царя,
„ царскую силу и мощь изъ раздроб-
„ ленныхъ частицъ слѣпить вы поку-
„ шаешься: трудное и едва ли воз-
„ можное предпрїятие! Слїянїе раз-
„ ныхъ вещеспвъ въ едину груду рѣд-
„ ко твердымъ и прочнымъ шѣломъ
„ бываетъ. Но ежели вы уповаеше-
„ обрѣспи между вами нѣкое число
„ ии въ чемъ не разиящихся вельмо-
„ жей въ ихъ умоключенїяхъ, образы
„ мыслей никогда другъ другу не
„ пропиворѣчащихъ, чувствъ, воли и
„ желаній къ единой цѣли завсегда
„ спремяющихся; ежели вы сіи боже-
„ спвенныя качества въ себѣ оща-
„ щепе, устроите правленїе чиноначаль-
„ ственное! Въ противномъ случаѣ
„ вы многихъ мучишелей, а не едино-

„ душныхъ отцевъ и защищниковъ на-
„ родныхъ устроише. „

„ При сихъ словахъ вельможи по-
„ шупили очи свои, а народъ возо-
„ пилъ: *Не хотимъ, не хотимъ тио-*
нагальственаго вельможей правленія!

„ *Да будетъ оно общеноародное!* —

„ Кадмъ, укрошивъ восклицанія на-
„ родныя, рѣчъ свою простеръ тако:

„ Ежели немногое число избранныхъ
„ вельможей вашихъ, о Фессалійцы!

„ опечесству вредно: то какимъ зл-

„ щаспіемъ угрожаєтъ ваше царство,

„ всѣмъ народомъ управляемое? Вы

„ заключаете въ самомъ корнѣ вашего

„ намѣренія великое зло, день отъ

„ дня возрасшать могущее, и всю

„ Фессалію въ бездну иогибели низ-

„ вергнушь должностнующе. Кто ва-

„ ше благоденствіе устроивать буде-

„ дешь? Вы сами! — Какому суду

„ поработиться чаепе? Сабственно-

„ му своему! — Кто вами буде?

„ начальствовать, и кто начальникъ

„ вашихъ покоряться? Вы сами и на-

„ чальниками и повинующимися бытъ

„ дол-

„ долженствуете! — Странный об-
„ разъ правительства! Но я изъясню
„ мои мысли простыми ради васъ из-
„ реченіями. Вообразите, ежели бы
„ земля наша, отвергнувъ солнечное
„ сияніе, сама себя освѣщашь восхо-
„ шла: въ какой бы мракъ она погру-
„ зилась? Ежели бы члены наши, оп-
„ рекшись отъ назначенаго Природою
„ имъ долга, всѣ купно господство-
„ вать восхопѣли: долго ли бы шло
„ наше въ цѣлости пребыть могло?
„ Скоро бы оно разрушилось, а съ
„ нимъ и члены его купно бы погиб-
„ ли. Каждое царство есть цѣлое тѣ-
„ ло, главу для управления и проче
„ члены для служенія имѣть должен-
„ спвующее.

„ Выслушавъ рѣчь сю, народъ
„ возопіялъ: Законы, законы да упра-
„ ляютъ нами! Тогда Кадмъ вѣщалъ:
„ Законы сами собою управлять и
„ дѣйствовать не могутъ: мусикійскія
„ орудія, сколь ни были бы совершен-
„ ны устроены, не въ рукахъ кажда-
„ го человѣка, но въ рукахъ искуснаго

„ игралъ пріятные издають гласы.
 „ Законамъ потребна дѣятельность;
 „ дѣятельность относится къ судіямъ
 „ и народнымъ попечишеламъ; попечи-
 „ шелъ и судіямъ нужна глава выше
 „ законовъ поставляемая, могущая
 „ охранять святыни законовъ, наблю-
 „ дать цѣломудріе судей, общее благо-
 „ состояніе, ненарушимость и едино-
 „ образіе судопроизводства, а наче
 „ всего добро отъ зла, истину отъ
 „ коварства, щашельность отъ лѣ-
 „ ности отличать могущая, и нако-
 „ нецъ вѣрность и заслуги въ отече-
 „ ствѣ награждать, а нерадивость
 „ пробуждать долженствующая. Сія-
 „ то глава ешь Царь самодержавству-
 „ ющий подданными. О Фессаліцы!
 „ почто не избираете Царя самодер-
 „ жавнаго; Царя, которой бы имѣя
 „ въ своихъ рукахъ вожди правленія,
 „ управлялъ народомъ по законамъ,
 „ изъ самаго естества и вашихъ склон-
 „ ностей предками вашими почерпну-
 „ тымъ, или для вашего общаго бла-
 „ га вновь устанавливимъ? Успроя

,, ваше благо, мудрый Царь собствен-
,, ное сооружаетъ благо ; разрушая
,, общее, еобспренной гибели послѣ-
,, шествуетъ. Мы имѣемъ во всей все-
,, ленной нѣкій напечатлѣнныи знакъ
,, единонаачальства. Проникнише ваши-
,, ми мыслями во всю громаду сего
,, мїра : не единъ ли Зевсъ небомъ ,
,, землею и всѣми подчиненными ему
,, божествами верховно управляетъ ?
,, Не единое ли солнце обращаетъ
,, кругъ небесный съ его прочими свѣ-
,, шилами ? Не едину ли главу мы имѣ-
,, емъ , члены наши въ спройномъ по-
,, рядкъ содержащую ? — Вельможи и
,, граждане ! ежели боги ваши моимъ
,, вѣщаютъ гласомъ , то совѣшую
,, вамъ, отвергнувъ всѣ роды другихъ
,, правленій , избрать Царя , и вы па-
,, ки благоденствоватъ будете.,, —
Кто не почувствуетъ убѣдительно-
сти сихъ разсужденій ?

Пѣнопѣвецъ , убѣленный време-
немъ , говоритъ вельможамъ Фессалій-
скимъ , подозрѣвающимъ , что онъ
черезъ союзъ родства съ Царемъ

честъ присвоиши себѣ верховную
власть.

„ Юноштъ мою проводилъ я въ
„ ученїи; зрѣлыя мои лѣта и спа-
„ рость мою посвятилъ я пѣсносло-
„ вію и славѣ боговъ моихъ, боговъ и
„ знамениихъ Героевъ. Привыкъ я
„ къ сему Небесамъ любезному упраж-
„ ненію; и промѣняю ли нынѣ сїи
„ увеселяющіе мои чувства восторги,
„ сїе безмятежное, но благочестивое
„ провожденіе дней моихъ — промѣ-
„ няю ли изъ саны и преимущества
„ вельможскія, съ шоликими беспо-
„ койствами и суевіостями сопря-
„ женныя, коихъ и пѣни едины въ
„ спрахъ и сомнительство ввергаютъ?
„ О! нѣтъ, Фессалійскіе вельможи!
„ не опасайтесь, дабы отъ природы
„ сотворенный пѣснопѣвецъ, славиша
„ боговъ и Героевъ, возгнушался влѣ-
„ янными ему дарованіями, и взлкалъ
„ жаждою сїять паче на степеняхъ
„ верховнаго сана, нежели сїять чрезъ
„ многіе вѣки носящеюся о немъ сла-
„ вою! Такой пѣснопѣвецъ не былъ
„ бы

„ бы другомъ своихъ богоў, или былъ
„ бы онъ дерзскимъ похищителемъ
„ сихъ священныхъ дарованій. Вамъ
„ сладоспны преимущество сана ва-
„ шего, а мнѣ сладоспна моя лира.
„ Можетъ быть неважно для васъ, о
„ вельможи! мое пѣснопѣніе; можетъ
„ быть и дарованія мои въ моемъ
„ только понятіи нѣкоторую цѣну
„ соспавляють: но для меня они важ-
„ ны и неоцѣнены, ибо они бла-
„ женство моей жизни содѣлываютъ.
„ Оставьте мнѣ мое малое жилище и
„ убогіе мои вершограды, трудами
„ моими приобрѣтенные; оставьте, и
„ не опасайтесь ни моего пѣснословія,
„ ни алчности моей достигнутия вы-
„ сокихъ почестей въ Фессалійскомъ
„ царствѣ. — Вотъ языкъ Поэта,
чувствующаго свою цѣну!

Заглянемъ во вторую Часть. Сам-
тесъ, законной Египетской Царь,
„ приближается съ Кадмомъ къ свое-
„ му воинству, вдоль береговъ Ме-
„ ридова озера устроенному. Уже зри-
„ мы имъ яко густый лѣсъ копія опол-
„ чен-

,, ченныхъ рапниковъ; колеблющаяся
,, знамена видимы, дивнаго Сфинкса
,, изображающя, и дыханіемъ вѣпровъ
,, развѣваemыя; ржаніе и шопотъ ко-
,, ней далеко слышится.,, Краткое, но
сильное описаніе — масперская кар-
тина въ первыхъ чершахъ! — Тамъ
следуетъ подробнѣйшее описаніе воин-
ства бунтовщиковъ.

,, Въ третій вечеръ шествія ихъ
,, Кадмъ и воинство Египетское узрѣ-
,, ло Амазисово ополченіе, въ Гегеен-
,, ской долинѣ расположеннное. Густые
,, пары, изъ блашной земли тамо ис-
,, ходящіе, яко облако станъ его по-
,, крывали. Воинство его развратные
,, мятежники Египетскіе и наемники
,, составляли. Тамо видимы были Мадї-
,, амляне, жизнь свою при спадахъ
,, провождающіе. Непривычные ко сра-
,, женіямъ, были они и въ рапобор-
,, спѣ неискусны, но дерзновенны и
,, неуспрашимы; рамена ихъ покры-
,, ты овцею кудрявою шерстю; бри-
,, тыя главы ихъ, опаленные дуби-
,, ны, на ихъ раменахъ лежащія, и

,, ко-

„ короткія копія , кои въ хищныхъ
„ звѣрей съ ловкоспію они мешали ,
„ придавали угрюмымъ видамъ ихъ нѣ-
„ кій ужасъ и ошврашительную суро-
„ вость . Не ненавистью движимы , но
„ паче спрашась нападенія на ихъ па-
жити отъ Амазиса , съ его общни-
ками прошиву Египта они вооружи-
лись , и со множествомъ верблюдовъ
припекли подъ ихъ знамена . Сре-
дину ополченія мяшежническаго со-
ставляли Мамелюки , народъ дикий
и кровожаждущій , одними грабежами
и разбойничествомъ на распутяхъ
питающійся . Сіи , желѣзною бронею
покровенны , имѣли длинные берды-
ши , оспрывя сабли и щипы крѣпкіе ,
кои на хребтахъ у нихъ висѣли .
Кони ихъ борзы и къ оборотамъ
пріученны . Ими начальствовалъ Фра-
моръ , Князь порожденія Великановъ ,
рыцарь неуспрашимый и жестокій .
Онъ превышалъ своею главою всѣхъ
его воиновъ ; грабежъ и кровопро-
ливіе сославляли его упѣшеніе , а
наглое убийство первое правило .
„ Онъ

„ Онъ совокупилъ свои разбойничъи
„ полчища со Амазисомъ, алкая токмо
„ Египетскихъ корыстей и сраженій.
„ Лѣвое крыло воинства состояло изъ
„ Амонитовъ, Моавлянъ, Ливійцовъ и
„ другихъ народовъ, изъ ихъ жилищъ
„ Іудеями изжененныхъ и прибѣжища
„ въ бѣдственномъ ихъ сопранствова-
„ нїи всюду ищущихъ. Лишены опе-
„ чества, съ отчаянною лютостью
„ на брань они дерзали. „ — Какія
энергическія черты! Я вижу передъ
собою угрюмыхъ Мадамлянъ и дикихъ,
свирѣпыхъ Мамелюковъ — вижу, за-
жимаю глаза и хвалю описателя.

Дїафанъ, главной Египетской
жрецъ, показавъ Кадму мѣсто погре-
бенія добрыхъ Царей, ведетъ его на
другую спорону Меридова озера.

„ Уклонясь въ лѣво, грядутъ они
„ между колючими тернами, и прибли-
„ жаются ко пещерѣ мрачной и каме-
„ нистой. Тамо заключены были во
„ гробницахъ, сѣдымъ мхомъ поро-
„ щеныхъ, прахи Царей злочести-
„ выхъ и священнаго погребенія всѣмъ

„ Егип-

, Египтомъ отчужденныхъ. Никто не
, смѣлъ приближаться къ сему ужа-
, сному кладбищу; никто не дерзалъ
, приносить моленій о душахъ сихъ
, мучителей, и никто не хотѣлъ о
, заслуженномъ ими осуждениіи сѣпо-
, вать. Тамо ехидны вокругъ заржав-
, ленныхъ сосудовъ извивались, и ядо-
, витыя скорпіи пресмыкались по
,, онымъ. — Дафандъ, остановясь при
,, входѣ въ пещеру, рекъ Кадму: Об-
,, раУи очи твои ко десной странѣ,
,, и тамо узришь погребальныій со-
,, судъ, хранящій въ себѣ прахъ зло-
,, честиваго Тифона, лютаго убийцы
,, божественнаго Озирида; но священ-
,, ная Изиса, мсшя смерть Озиридову,
,, огнемъ испребила Тифона, сего вра-
,, га боговъ и человѣковъ, и память
,, его предана вѣчному проклятию. Зри,
,, коль страшныя змii желѣзный со-
,, судъ сей облегаютъ! Онъ, мнился,
,, изрыгаютъ ядъ и пламень, да не
,, отважится никто приступиши къ
,, сему гнусному праху, коимъ онъ
,, питаются. — Удалимся и мы съ

Чипа-

Читашелемъ отъ сего ужаснаго мѣста, и поищемъ чего нибудь нѣжнѣйшаго.

Кадмъ съ Гармоніею видялъ своего сына, не зная того. „ Едва прешли они едино поприще, гусыми шѣнями вѣтвистыхъ древесъ осенямы, увидѣли въдалекъ отъ себя края, снаго опрока, тонкія сѣпи на уловленіе птицъ разставляющаго; блѣдые власы его яко чистая волна по раменамъ проспирались; ланиты распускающимся розамъ подобны зрѣлися; за плечами висѣлъ у него тулъ со спрѣлами, и малый лукъ по бедрѣ его двигался. Кадмъ и Гармонія чаяли зреши Эроша, Афродина сына. Взоръ ихъ плѣняется красотою опрока сего; сердца ихъ пренещутъ. Они приближаются къ нему; спрашиваютъ его: кто онъ есть? сынъ ли небесъ, или сынъ человѣческій? — Опрокъ взираетъ на нихъ внимательно, не спрашивается ихъ и не удалется. Онъ съ пріятною усмѣшкою отвѣчаетъ имъ: „ Не

„ Не есмъ сынъ Небесъ, но сынъ человѣческій; четыре лѣта въ сей дубравѣ съ моимъ опцемъ обишаю; рѣдко странниковъ мы видаемъ; я провождаю мое время въ ловлѣ птицъ и въ стрѣлянїи малыхъ звѣрей, вредныхъ нашему вертограду. — Но какая страна сїя? — спросилъ Кадмъ отрока, коего сердце его уже возлюбило Гармонія, не отъемля очей отъ него, — спрашиваетъ о его имени, и лицезрѣніемъ его упѣшаестся. — Прекрасно описание отрока; прекрасно описание щемныхъ чувствъ родительской любви. Имѣть еще неизвѣстно, что онъ ихъ сынъ, но они уже любятъ его. Не знаю, кто здесь не тронется, — кто не почувствуетъ красоты сего мѣста; но знаю, что топъ не имѣетъ чувства ни къ красопамъ Напуры, ни къ красопамъ Поэзii.

„ Славный въ цѣломъ мірѣ про-рицатель, слѣпый Тирезіасъ, два вѣка человѣческіе уже преживый, шевелевалъ изъ верхней Азіи въ Кол-Ж „ хиду

, хиду, и посыпивъ гостепріимныхъ
Славянъ, возвѣспилъ имъ между мно-
гими частными прорицаніями о ихъ
потомствѣ, что они въ грядущія
времена на съверѣ усилятся, прі-
обрѣтутъ громкую въ мірѣ славу,
проспрутъ свои побѣды отъ моря
полунощнаго до водъ полуденныхъ,
и нарекутся, подъ державою мудра-
го, кроткаго и человѣколюбиваго
правленія, народомъ щастливымъ,
сильнымъ и просвѣщеннымъ. — Кто
изъ Россіянъ будешъ читать сіе безъ
удовольствія?

Довольно. Изъ сихъ приведенныхъ
мѣстъ можно видѣть, что Кадмъ есть
твореніе, достойное всего вниманія
Читателей.

Но говорятъ, что нѣтъ сочине-
нія во всемъ совершенного. Есть ли
шакъ, то и въ Кадмѣ должны быть
несовершенства, или ошибки, или не-
исправности. Рецензентъ, читая Кад-
ма, при многихъ мѣстахъ думалъ:
Это слишкомъ отзываются новизною;
это противно духу тѣхъ временъ, изъ-

которыхъ взята басня. Однако жъ, вообразя себѣ всю трудность писать нынѣ такъ, какъ писывали Древніе, споль отдаленные отъ насъ по образу жизни, по образу мыслей и чувствованій, согласился онъ самъ съ собою не почитать сихъ знаковъ новизны за несовершенство сочиненія, имѣющаго цѣль моральную. Кто не знаетъ Телемака Гомерова и Телемака Фенелонова? Кто не чувствуетъ великой разности между ими? Возьми какого нибудь пастуха --- Швейцарскаго или Русскаго, все одно — одѣнь его въ Греческое платье, и назови его сыномъ Царя Ипакскаго: онъ будешь ближе къ Гомерову Телемаку, нежели чадо Фенелонова воображенія, которое есть ничто иное, какъ идеальной образъ Царевича Французскаго, ведомаго не Греческою Минервою, а Французскою Философіею. — Попадаютъ въ Кадмъ мысли и выраженія, которые кажутся совсѣмъ справедливыми. Такъ, на прим. говоришъ Авторъ: „Таковыя помышленія яко мрачное

, облако сопствались въ Кадмовомъ
воображеніи, и зараждая въ немъ
сѣмена самолюбія, истотникъ гор-
дости на сердцѣ его натертали.
Но не поздно ли уже зараждаться въ
человѣкѣ сѣменамъ самолюбія, когда
онъ родится съ онымъ? Говоря фигур-
нѣе, можно сказать, что онъ родился
съ сѣменами онаго. — Выраженіе, *натер-
тыватъ истотникъ*, останавливаетъ
читателя. — Найдешь еще нѣсколько
словъ, къ которымъ наше ухо не при-
выкло; на прим. *умоклюгенія* вмѣсто
мыслей и разсужденій, *понурность* вмѣ-
сто ската или свѣса, и нѣкоторыя слова
въ множественномъ, которыя мы обык-
новенно употребляемъ только въ един-
ственномъ, какъ-то: *поведенія*, *рос-
коши*, и проч. Но не будемъ искать
бездѣльныхъ ошибокъ — еспѣли это
и подлинно ошибки — въ такомъ со-
чиненіи, которое наполнено красопа-
ми разнаго рода. Одинъ Англійской
Поэзїи сказалъ, что погрѣшности въ
сочиненіи подобны **соломѣ**, плавающей
по верху воды, а красоты перламѣ,

лежащимъ на днѣ. И такъ мало че-
сти пріобрѣтѣ себѣ тошъ, кпо
будешъ всегда собирашь первыя.

Кадмъ будешъ жить съ Россіядою
и Владимиромъ.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ.

Voyage de Mr. le Vaillant dans l'inté-
rieur de l'Afrique par le Cap de Bonne
Espérance, dans les années 1780, 1781,
1782, 1783, 1784 et 1785. 2 Vol. in
8°. A Paris, chez Leroy, Libraire. То
есть: *Путешествіе Г. Вальяна со вну-
тренность Африки терезѣ мысѣ Доб-
рой Надежды въ 1782, 83, 84 и 85
году. 2 Счасти въ осьмушку. Въ Парижѣ у Книгопродавца Леруа.*

Сіе пушешеспвіе есть такое со-
чиненіе, которое, не смотря на ны-
нѣшнія смущныя обстоятельства
Франціи (*), найдетъ читателей, и
будетъ для нихъ такъ же заниматель-
но, какъ бы и въ самыя мирныя вре-
мена, когда единственно думали о

Ж 3.

На-

(*) Сія рецензія взята изъ *Mercure de France*.

Наукахъ и Литтературѣ. Всякое путешесвіе во внутренность Африки возбуждаетъ уже любопытство; а Сочинитель сего съ самаго начала и до конца умѣетъ питать его наиболѣе приятнѣшимъ образомъ. Извѣстно, что мореплаваніе, открывшее въ наши времена разные берега сей проспранной части свѣта, не могло открыть намъ внутренности ся обширныхъ странъ, гдѣ для насъ все ново: земли, растѣнія, люди, птицы, рыбы, животный всякаго рода. О сихъ странахъ можно сказать то же, что Г. Вальянъ говорить о полуденной Америкѣ: „Тамъ „Нашура работаетъ надъ исключеніемъ „ми тѣхъ правилъ, которыя, по на „шему мнѣнію, найдены въ ней.“ „Африка казалась ему Перу Нашуралистовъ; онъ самъ захотѣлъ тамъ обогатиться, обогатился, раздѣляеть съ нами свое богатство, и умѣетъ онымъ прельщать читателя. Въ расположении сочиненія вездѣ виденъ вкусъ, вездѣ видно искусство. Онъ умѣетъ писать, оживлять, разнообразить свои кар-

картины, и занимаетъ то разумъ, то чувство, то воображеніе. Говорятъ, какъ слышно, о его книгѣ, что она не довольно учена. Сія укоризна можетъ быть основательна, потому что въ самомъ дѣлѣ книга его не скучна; а во многихъ родахъ сочиненію надобно быть скучнымъ, чтобы прослыть глубокомысленнымъ или ученымъ. Г. Вальяну самому надобно опровергнуть сію критику; и кажется, что онъ напередъ къ сему готовился, потому что въ первомъ своемъ путешествіи, за которымъ скоро последуетъ вшорое, обѣщаешь онъ не въ продолжительномъ времени издать Орнитологію и Исторію четвероножныхъ животныхъ сей земли. Обратимся къ путешествію, которое онъ теперь намъ предлагаетъ.

Авторъ отправляется изъ Текселя съ рекомендательными письмами къ Г. Ваэрсу, бывшему Фискалу на мысъ Доброй Надежды. Послѣ нѣкоторыхъ морскихъ приключений, которыя Авторъ описываетъ какъ Физикъ,

и непрятной встрѣчи, забавно рассказанной, прибываетъ онъ на мысъ во время разрыва между Франціею и Англіею. Онъ дѣлаетъ краткое описание города и окрестностей, на уральскихъ произведеній, деревъ, растѣній и проч. Хотя предметъ его былъ и не томъ, чтобы вникать въ гражданское и политическое состояніе Колоніи, однако жь мимоходомъ открываетъ онъ нѣкоторыя несперимыя злоупотребленія, на которыхъ Правительство смотритъ сквозь пальцы, и даже защищаетъ оныя. Онъ предвидѣтъ необходимыя того слѣдствія, и даетъ Голландской Компаниї прекрасные совѣты, которыми она, по всей вѣroятности, не воспользуется.

Авторъ Ѳедѣтъ отпуда въ заливъ Салданской на ловлю, чтобы познакомиться, какъ говорить онъ, съ дикими звѣрями, и приготовиться къ тѣмъ сраженіямъ, которыхъ онъ намѣренъ былъ дать имъ на твердой землѣ. Первой опытъ ему пошаспливался; тигръ, убитой имъ, былъ ужасной

еной величины. Я мѣрялъ его глазами, говориши онъ, и почиталъ себя по крайней мѣрѣ Тезеемъ. Все шло хорошо. Собраніе звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ, со дня на день возвращало; но сїи богатства хранились на кораблѣ, которой стоялъ на рейдѣ. Долго буде предлагать всѣ политическія причины, которыя, когда приближился Англійской флотъ, заставили Капитана взорвать корабль свой. Пусть всякой вообразитъ себѣ положеніе человѣка, которой, по спрасти къ путешесствію, къ Наукамъ и открытиямъ, оставляетъ свое отечество, супругу и дѣшей своихъ, юдетъ за отдаленные моря искать опасностей всякаго рода, и видитъ въ одинъ мигъ всѣ свои собранія, свое имѣніе, свои намѣренія и надежды *взлетѣвшія на воздухъ и разсѣявшияся въ дымѣ!* Еще и сего не довольно: надлежало спасаться отъ побѣдителей и возвращаться на мысъ. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ онъ туда возвратился; но у него былъ другъ. Г. Бозръ, не видя

его пришедшаго вмѣстѣ съ другими, сналъ беспокоиться, и опыскалъ его наконецъ въ одной хижинѣ, куда онъ скрылся въ ожиданіи помощи изъ Европы. „Государь мой!“ сказа-
лъ ему спокойно Г. Бозеръ: вы ко-
нечно не забудете, что вы мнѣ ре-
коммендованы. Принимайтесь снова за
свое дѣло, и оставьте мнѣ имѣть по-
печеніе о способахъ. Я того тре-
бую. „Я принялъ,“ говорицъ Авторъ,
предложеніе сего великодушнаго чело-
вѣка; отказъ слишкомъ бы оскорбилъ
его. Всякой вообразитъ себѣ, како-
вы были приготовленія къ путе-
шествію. Сдѣлали двѣ превеликія шел-
ти, изъ копоры въ одну наполнили всѣмъ,
что нужно Напуралиству; а другую
всякими припасами, инструментами,
орудіями, ружьями, пистолетами,
порохомъ, свинцомъ, пулями разной
величины, сухарями, чаемъ кофе,
сахаромъ, боченками съ водкою и
шабакомъ для Готшенншоповъ; раз-
ными желѣзными и стеклянными веши-
цами, ожерельями и браслетами,

что-

чтобы, смотря по обстоятельствамъ, дѣлать мѣны, или покупать друзей. Свипа его состояла изъ тридцати быковъ, трехъ лошадей, девяти собакъ и пяти Готспеншотовъ. Число послѣднихъ возрасло по томъ до сорока. Онъ отправляется въ путь, и ввечеру останавливается у подошвы высокихъ горъ, копорья ссыпавшіе гранцу Готспеншотской Голландіи. Тогда-то, говорить онъ, будучи совершенно ослушанъ самъ му себѣ, и надѣясь только на собственныя свои силы, возвратился я, такъ сказать, въ первоначальное состояніе человѣка, и въ первый разъ вдохнулъ въ себя чистой, питательной воздухъ свободы.

Онъ спранишвущъ по пустынямъ и лѣсамъ, спарайся избѣгать жилищъ, и прїезжаетъ въ землю Англичанъ, медовыхъ людей. Здѣсь должны мы оказаться отъ всѣхъ подробностей; и хотя Африка есть спрана чудесъ, однако жъ ни экстрактъ, ни самой журналь не есть мѣсто для описанія оныхъ. Не возможно слѣдо-

вать за Авторомъ во всѣхъ его ловляхъ, или, лучше сказать, въ войнахъ его съ дикими звѣрями — буйволами, тѣнами, барсами, львами, слонами, гиппопотамами или морскими конями и проч. *Разиятіе* (*dissection*) побѣжденныхъ было наградою побѣды, которая покупалась всегда великими трудами и которая часто могла еще дороже споить. Невѣроятное дѣйствіе любви къ Наукамъ! Я нашелъ въ лѣсу, говориша Г. Вальянъ, сухое дерево съ дупломъ: тамъ-то, не смотря на беспрестанные дожди, просиживалъ я по цѣлымъ днямъ, и сперегъ маленькихъ птичекъ и дичь; тутъ былъ я по крайней мѣрѣ укрытъ отъ дождя, и писался надеждою. Изъ сего священнаго ниша безпрестанно убивалъ я все, что показывалось передо мною. Такимъ образомъ любовь къ испытанію Нашуры превозмогала первыя потребности: я умиралъ съ голоду, а думалъ только о собраніяхъ (коллекціяхъ).

Въ самомъ сочиненіи надобно читать описание пріятной жизни, которую велъ онъ въ Пампоэнъ-Кралѣ.

Зани-

Занимаясь разною ловлею и учениемъ, въ самомъ прекраснѣйшемъ климатѣ, въ обществѣ домашнихъ своихъ звѣрей и вѣрныхъ Гопшеннотовъ, съ которыми поступалъ онъ какъ съ друзьями, и которыхъ предстаетъ онъ не такъ какъ скотомъ гнусныхъ и ошвранишельныхъ, но какъ людей простыхъ, грубыхъ, добрыхъ и чувствительныхъ, еще любезныхъ его сердцу. Сіе чувство обнаруживается въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, и всегда съ новою пріятностію. Минуты, проведенные въ Пампоэнъ - Кралѣ, называетъ онъ единственными минутами жизни своей, въ которыхъ узналъ онъ всю цѣну бытія. „Не знаю, говоритъ онъ, какая сила влечетъ меня всегда къ симъ мирнымъ привычкамъ души моей; я и теперь вижу себя въ своемъ лагерѣ посреди Гопшеннотовъ и звѣрей моихъ. Распѣніе, цвѣтокъ, опломокъ скалы, ни что мною не забыто; и сіе зрѣлище, которое становилось для моего сердца время отъ времени притательное, занимаетъ меня и не отпускаетъ

зляеть нигдѣ.,, Сїе конечно показа-
жется непонятнымъ для тѣхъ, ко-
рые не знаютъ ни прелести совершен-
ной независимости, ни спраски от-
крытии, ни того несказанного удо-
вольствія, которое соединяетъ Нашу-
ра съ развитіемъ нашихъ способно-
стей, моральныхъ и разумныхъ.

Г. Вальянъ, обогащая свое собра-
ніе великимъ числомъ птицъ, четверо-
ножныхъ животныхъ, растѣній и проч.
и проч., оставляетъ землю Апени-
ковъ, и направляетъ свой путь къ
Аугсклофу, длинной и болотистой
долинѣ, окруженнѣ крутыми и без-
плодными горами, черезъ которыя
путешественникъ не можетъ про-
братиться безъ величайшаго труда. Онъ
не зналъ, куда ведетъ его дорога:
къ ордамъ ли Готтентотовъ, или
къ ордамъ Кафровъ. Сіи Кафры, ко-
торыхъ послѣ Авторъ посѣщалъ, бы-
ли предметомъ всеобщаго ужаса. Онъ
нашелъ ихъ весьма не шаковыми, ка-
ковыми ему описывали ихъ въ Коло-
ни. Правительство мыса Доброї
На-

Надежды, которое не можетъ содер-
жать въ порядкѣ и въ повиновеніи
отдаленныхъ поселенцевъ, не знаетъ
— или показываетъ, будто не зна-
етъ — тѣхъ ужасныхъ тиранствъ,
черезъ которыхъ распространяли они
границы своихъ владѣній во вредъ со-
сѣдственныхъ народовъ. Отъ сего-
то произошла въ нихъ сїя ненависть
къ Бѣлымъ, которая есть ничто
иное, какъ праведное омерзеніе къ
ихъ жестокостиамъ; и отъ сего же са-
мого Бѣлые распускаютъ тѣ спраш-
нья клеветы, которыми спариваются
они очернять людей проспыхъ и не-
винныхъ, мстящихъ имъ за дѣло. Сїя
прискорбная испина, которую дока-
зываютъ Г. Вальянъ примѣрами, ка-
жется произвела въ немъ нѣкоторой
рода спаси къ Дикимъ и сильное
отвращеніе отъ Бѣлыхъ, и вообще
отъ гражданского просвѣщенія — чув-
ство, которое всегда кажется немно-
го страннымъ; которое просполюдинъ
называетъ ненавистью къ человѣче-
ству, но кошорос напротивъ того

есть ничто иное, какъ слишкомъ живая любовь къ оному, и сильная ненависть къ порокамъ, дѣлающимъ человѣка злополучнымъ въ общеспленномъ порядкѣ. Везде, говоритъ Авторъ, гдѣ Дикие отдалены отъ Бѣлыхъ, и живутъ врозь, нравы ихъ крошки; но перемѣняются и портятся по мѣрѣ ихъ приближенія къ онымъ. Рѣдко бываетъ, чтобы Готспеншопы, живущие съ Бѣлыми, не дѣлались чудовищами. Бывъ на сѣверѣ мыса между народами отдаленными, и видя вокругъ себя цѣлые полны людей, которыхъ приближались ко мнѣ со знаками удивленія, самаго дѣлскаго любопытства и сердечной довѣренности, — кошмы рукою щупали мою бороду, волосы, лицѣ — шихонько говорилъ я самъ себѣ: *Мнѣ не тего бояться сихъ людей; они вѣрой разб видятъ Зѣлаго.* Въ Ювеналѣ нѣтъ ничего сильнѣе сей послѣдней черты; но она по нещастію слишкомъ оправдывается въ путешеспвїи Г. Вальяна припиво-положностию нравовъ Дикихъ со нравами Европейскими.

Ав-

Авторъ, всегда угрожаемой сими Кафрами, и бѣрущій пропивъ нихъ всѣ предоспорожности благоразумія, подвигающійся далѣе, и мы слѣдуемъ за нимъ съ удовольствіемъ сквозь всѣ опасности, которыми онъ подвергался какъ охотникъ, гонясь за слонами, козами и другими звѣрями еще неизвѣстныхъ родовъ. Нашуральныя произведенія, разные виды, живописные мѣста, прѣятныя или ужасныя; феномены новыхъ для большей части читателей, описываются кистью Теньера или Бергема. Въ семъ разнообразіи предметовъ, почти все занимательныхъ, можемъ мы остановиться только при одномъ, наиболѣе интересномъ для человека вообще; а именно, при разныхъ дикихъ ордахъ, о которыхъ до Г. Вальяна не имѣли мы надлежащаго свѣдѣнія. Извѣстны смѣшныя Кольбовы сказки, которыя были пошпоряены всѣми Путешественниками, и которыя распространили въ Европѣ споль нелѣпая понятія о Готтентотахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ утвер-

ждены самимъ Спарманомъ, которой не
очень давно публиковалъ Путешествіе
по Африкѣ. Г. Вальянъ отдаётъ спра-
ведливость сему ученому Шведу, въ
разсужденіи тѣхъ вещей, которыя видѣлъ онъ собственными глазами; но
укоряетъ его темъ, что онъ имѣлъ
слѣпую довѣренность къ заблуждені-
ямъ и клеветамъ поселенцевъ, которы-
е по большой части или наполне-
ны предразсужденіями, или имѣютъ
мало совѣсти. Весьма достойно при-
мѣчанія то, что почти всѣ новые
Путешественники говорятъ противъ
нее прежнимъ, описывающимъ самы-
ми гнусными красками человѣка дика-
го или напурального, которой другимъ
показался уже гораздо лучше.
Баконъ говорилъ, что надобно *снова*
нататъ дѣйствія разума теловѣтеско-
го: предпріятіе трудное послѣ споль-
кихъ потерянныхъ вѣковъ! Такъ же
бы, можетъ быть, надлежало начать
снова и наблюденія, на которыхъ
иные Философы основываютъ свои
идеи о напурѣ человѣческой, и пред-
спа-

спавляють ее злюю и немогущею никогда перемѣниться. Г. Вальянъ въ Путешествіи своемъ заставляетъ онулю любить въ самой грубой простишься. Онъ разсказываетъ некоторые послушки Готтентотовъ, которые оправдываютъ его частыя и прогадельныя воспоминанія о семъ крошкомъ и добродушномъ народѣ. Кажется, говорить онъ, что его всячески оклеветать старались. Несколько разъ говорено было, что мать, родившая двойни, одного ребенка потерять же часъ умерщвляетъ; но сіе бываетъ весьма рѣдко, и почитается у нихъ ужаснымъ дѣломъ. Одинъ вопросъ о томъ раздражилъ многихъ изъ Готтентотовъ. Тогда только случалось сіе, когда мать, боясь потерять обоихъ близнецловъ своихъ, бывала принуждена пожертвовать однимъ изъ нихъ. Г. Спарманъ говоритъ еще, что въ случаѣ смерти матери, по обыкновенію своему, погребающъ они съ нею и грудного младенца ея. *Сіе подтвердили мнѣ и поселенцы*, прибавляетъ онъ. Извѣ-

стно, сколь мало вѣришъ Г. Вальянъ
шаковому свидѣтельству; но предпо-
лагая оное справедливымъ, заключаемъ
онъ изъ того, что отъ трупа маше-
ри, умершей заразителью лихорад-
кою, какъ по говоритъ Г. Спарманъ,
могли Готтентопы въ страхѣ уйти,
а вмѣстѣ съ нимъ оставить и младен-
ца: ибо они столько боятся заразы, что
часто въ шакомъ случаѣ оставляютъ
и спада свои, которыя сославляютъ
единственное ихъ богатство. Есъ-
ли покидаютъ они спариковъ и боль-
ныхъ своихъ, то сїе бываетъ толь-
ко въ шакомъ случаѣ, когда сильные
непрѣятели принуждаютъ ихъ поспѣш-
но обращаться въ бѣгство, — что
могло бы случиться и въ Европѣ. Го-
лодъ есть другое нещастіе, прошивъ
кошораго не знаютъ они иныхъ
средствъ. Народныя нещастія, гово-
ритъ Авторъ, не могутъ быть пра-
виломъ, по которому надлежитъ су-
дить о націяхъ, не имѣющихъ и пер-
ваго основанія нашихъ искусствъ, и
никакихъ средствъ освободившихъ
оныхъ.

ныхъ бѣдствій, кроме поспѣшнаго
бѣгства. Но ни пропивъ котораго
обвиненія не возстаешь онъ съ па-
кою силою, какъ пропивъ того, что
Готшенпопы въ любви своей не зна-
ютъ ни разности лѣтъ, ни оного не-
преодолимаго отвращенія, которое
раздѣляетъ кровныхъ. Гнущаяся ша-
ковыми мерзостными подозрѣніями, го-
воритъ онъ: „Конечно вся фамилія
живетъ въ одномъ шалашѣ; отецъ
конечно спитъ съ своею дочерью,
брать съ сестрою, мать съ сыномъ;
но по восхожденіи зари всякой изъ
нихъ встаетъ съ сердцемъ чистымъ.
Я осмѣлюсь сказать, что если где-
нибудь на сей земль уважаешь еще
благородность въ поведени и во
мравахъ, то надобно ищи искать
храма ея среди пустынь.” — Самъ
Г. Спарманъ признается, что Дикіе
думаютъ болѣе о цѣломудрїи, нежели
о покрывалѣ. А Г. Вальянъ прибав-
ляєшъ, что онъ въ женщинахъ — и
даже въ самыхъ мужикахъ — видѣлъ
вездѣ осторожность и спыдливость.

Развращение во нравахъ находилъ отъ тамъ, гдѣ Дикие имѣли обращеніе съ Бѣлыми. Сїи народы совсѣмъ не имѣють тѣхъ суевѣрій, которыя приписываютъ имъ Колбе. Авторъ не примѣтилъ даже въ нихъ никакихъ идей, относительныхъ къ Религіи. То, что нѣкоторые Путешественники назвали служенiemъ лунѣ, есть ничто иное, какъ родъ ночной пляски, не соединенной ни съ какимъ идолослуженiemъ въ разсужденіи сей планеты. Гадкая свадебная церемонія Гопшентоповъ — состоящая будто бы въ томъ, чтобы изливать урину на молодыхъ — есть глупая сказка Колбова, мечтавшаго путешественника, которой ни съ мѣста не трогался, и собиралъ народныя басни въ шинкахъ на мысѣ. Однако жь правда, что въ нѣкоторыхъ ордахъ дѣлаютъ себѣ полукастрапами, и рѣжутъ также пальцы на рукахъ или на ногахъ до первого сустава; откуда происходитъ сей безумной обычай, не известно. Что касается до славнаго *передника* Гоппен-.

шешопокъ, то сїя странность есть дѣйствіе нелѣпой моды въ одной ордѣ — моды, которая принудила къ тому Напуру. Сверхъ того женщины намъ приписывали еще самыя странныя обыкновенія; напр. говорили, что онъ обвивающъ себѣ руки и ноги кишками животныхъ; но то, что почли кишками, есть ничто иное, какъ пленки изъ проспника, изъ котораго они дѣлаютъ свои цыновки, или ремни изъ воловьей кожи: предосп рожность, необходимая тамъ, гдѣ много колючихъ распѣній и ядовитыхъ змѣй. Однако жь Авторъ признается, что привычка видѣть Гопшентопокъ никогда не могла его пріучить къ обыкновенію раскрашивать себѣ лицо и пудриться порошкомъ бугу, которой весьма непріятенъ для обонянія Европейца. Коротко сказашь, Г. Вальянъ описываетъ намъ во всей подробности нравы сихъ чудныхъ людей, примѣчательныхъ между самыми Дикими по удивительной жизнеспи нѣкоторыхъ чувствъ своихъ,

и по опти́ннымъ своимъ привычкамъ. Готтентоптъ засыпаетъ крѣпкимъ сномъ, чтобы не терпѣть голода; спягиваетъ себѣ ремнями желудокъ, чтобы обойтись безъ пищи; наѣдаешься по горло мясомъ и жиромъ животныхъ, и по томъ живетъ нѣсколько дней однѣми спрекозами: щастливъ онъ, когда найдетъ нѣсколько медовыхъ соповъ, показываемыхъ ему птицею, которую Натуралисты называютъ Указательницею, и къ которой, по сей причинѣ, имѣютъ Дикіе великое уваженіе.

Всѣ сїи подробности, касающіеся до Готтентоптовъ, заключаются нѣкоторыми разсужденіями о ихъ языке. Г. Вальянъ взялъ на себя трудъ выучиться оному, и нашелъ — вопреки сказанному другими — что онъ не похожъ ни на куричье клохтанье, ни на сорочье щекотанье, ни на кошичье мяуканье. Онъ въ самомъ дѣлѣ не такъ пропиленъ, какъ кажется. Главная трудность онаго состоитъ въ различномъ щелканьѣ языккомъ передъ произношеніемъ каждого слова,

Авторъ изъясняетъ сіе щелканье, и при концѣ сообщаєтъ краткой словарь сего языка.

Мы оспавили нашего Путешественника въ неизвѣстности, куда вела его дорога, и Кафровъ ли, или Готшенштотовъ ему прежде встрѣтить надлежало. Сіе сомнѣніе кончилось нечаяннымъ прибытиемъ полны Гонаковъ. Сей народъ есть смѣшанной, и происходитъ вмѣстѣ отъ Кафровъ и отъ Готшенштотовъ. Ростомъ они выше сихъ послѣднихъ, а нравы имѣютъ въ основаніи тѣ же, кромѣ пороковъ, которыми заразились Готшенштоты отъ сосѣдства Колоніи, повинуясь начальникамъ, подкупленнымъ отъ Правительства Голландскаго — начальникамъ, которые, чтобы имѣть честь носить на шеѣ знакъ, съ начертаніемъ слова **Captein**, дѣлаются рабами Губернатора, и вмѣстѣ шпиранами и шпіонами своихъ развращенныхъ и подлыхъ подданныхъ.

Гонаки суть народъ вольной и мужественной, почитающей выше всего

свою независимость, и во всѣхъ своихъ поступкахъ показывающій чисто-сердечіе, довѣренность и человѣко-любіе. Пусть всякой вообразитъ себѣ удивленіе нашего Автора, когда онъ, проснувшись поутру, увидѣлъ себя окруженнаго сею полпою! Начальникъ подошелъ къ нему съ привѣтствіемъ; а за нимъ шли женщины разряженныя, свѣтлящія и напудренныя своимъ краснымъ порошкомъ, называемымъ *бугу*. Каждая поднесла ему какой нибудь подарокъ: одна спрусовы яицы, другая молодаго ягненка; иные молоко въ иловыхъ корзинахъ, сплетенныхъ такъ плотно, что въ нихъ и вода держится. Пушеславенникъ нашъ спарался отдать имъ. Водка, табакъ, огнивы и кремни для мужчинъ; ожерелья и разныя другія украшенія для женщинъ — все было щедрою рукою раздавано симъ гостямъ. Здѣсь Авторъ описываетъ всѣ пріятели Гонакскаго общества. Молодая девушка, которую называютъ онъ *Нариною* — что значитъ

цѣль

цѣтѣ — была украшеніемъ онаго, и скоро сдѣлалась его подругою; потому что въ Африканскихъ пустыняхъ, говорить онъ, не надобно и спаравшися быть щастливымъ. Мы ни мало не сомнѣваемся о совершенствахъ Нарини; но, подвергаясь опасности еще болѣе умножить оправданіе Г. Вальдна отъ спиховъ, къ которыми обнаруживаешь онъ ненависть свою въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, приведемъ ему слѣдующіе:

*Le plus triste vaisseau fut long - temps son
séjour.*

*Il touche le rivage : à l'instant tout l'invite ;
Et pour Lisis , dans ce beau jour ,
La premiere Philis des hameaux d'alentour
Est la Sultane favorite ,
Et le miracle de l'Amour (*).*

Можно проспить Г. Вальяну нѣкоторыя излишнія украшенія въ семъ мѣстѣ сочиненія, которое есть одно изъ

(*) То есть: Онъ долго пребывалъ на печальномъ кораблѣ. Выходишь на берегъ — и въ минуту все его прельщаетъ. Первая Филида окрестныхъ хижинъ есть для Лизиса, въ сей прекрасной день, любимая Султанша и чудо Любви.

изъ прѣятнѣйшихъ. Начальникъ, по-
сѣпившій его, не имѣлъ у себя и четы-
рехъ сопѣ подданныхъ; но при всемъ
томъ былъ еще однимъ изъ первыхъ
начальниковъ націи, которая, зани-
мая пространство сорока Француз-
скихъ миль, состояла менѣе, нежели
изъ трехъ тысячъ душъ. Принявъ
гостей своихъ наилучшимъ образомъ,
Путешественникъ нашъ могъ думать,
что вся нація будетъ къ нему хоро-
шо расположена, и потому рѣшился
самъ побывать у начальника оной, а
по томъ продолжать свой путь. Над-
лежало разлучиться, и прекрасная
Нарина спала не такъ весела, про-
щаясь съ хозяиномъ. Ей подарили
онъ множество разныхъ блестящихъ
женскихъ уборовъ, а матери ея зер-
кало. Скоро и самъ онъ отправился
за нею, и былъ принятъ всею ордою
какъ братъ и другъ. Здѣсь Г. Валь-
линъ показываетъ разныя отпѣнки Го-
нака и Готшентопа, которыя всѣ
относятся къ чеспи перваго. Началь-
никъ водилъ его по шадашамъ спари-
ковъ.

ковъ, которые не могли сами приступить къ нему. За ними ходяще обыкновенно дѣти ихъ, отъ осьми до дѣсяти лѣтъ, обязанныя давать имъ пищу и имѣть обѣихъ всѣ попеченія, въ которыхъ имѣшъ нужду дряхлость. Съ удивленіемъ примѣшиль онъ, что сїя дряхлость не сопряжена у нихъ ни съ одною изъ тѣхъ болѣзней, которая у насъ съ нею не разлучны; а еще болѣе удивило его то, что волосы у нихъ совсѣмъ не бѣлѣютъ, такъ что едва можно применить съ конца нѣкоторую сѣдоватую опашenkу. Конечно всякой ждешь Нарину: она шотчасъ и явилась со всею прежнею нѣжностю — милая по прежнему, и безъ бугу. Всѣ шалаши, принадлежащіе сему начальнику, чи-сломъ около сорока, построенные на шести спахъ квадратныхъ фушахъ, составляютъ разныя полукружія. Они соединяются маленькими двориками или огородцами, гдѣ каждое семейство запирается на день шелящъ и ягнящъ, которыхъ они никогда съ маперьми не пускають.

Они

Они питаются молокомъ, дичью, а иногда бьютъ барановъ. Сколько пальцовъ у нихъ, столько они могутъ перечесть и дней, но не болѣе. Времена означающъ какими нибудь важными происшествіями или дѣлами, перемѣною жилищъ своихъ, убитымъ слономъ и пр.; а часъ дня теченіемъ солнца — *солнце было здѣсь, солнце было тамъ.* Въ болѣзни прибѣгаютъ они къ нѣкоторымъ цѣлипельнымъ распѣніямъ, или только что перевязываютъ больной членъ. Мертвыхъ зарываютъ въ яму, покрываемую камнями, которые однако же худо защишаютъ ихъ отъ генѣи и другихъ звѣрей.

Г. Вальянъ, живя съ своими друзьями Гонаками, не забылъ своего намѣренія побывать у Кафровъ, чтобы имѣть о нравахъ ихъ справедливое понятіе. Онъ никакъ не думалъ, чтобы они въ самомъ дѣлѣ были таковы, каковыми ихъ изображали. Самаго умѣйшаго и вѣрнѣйшаго изъ своихъ Готтенштадтовъ отправилъ онъ къ началь-

нику одной изъ сихъ ордъ; и хотя посланной не могъ найти сего начальника, бывшаго въ оплучкѣ, однако жь ему все удалось исполнить свою комиссию. Онъ сообщилъ о господинѣ своемъ весьма хорошее понятіе, сказавъ, что онъ не изъ числа поселенцевъ.

Долго будемъ сказывать, какимъ образомъ одна изъ сихъ ордъ, подобно Гонакамъ, рѣшилась побывать у него. Посланной его предупредилъ сихъ гостей, и успѣлъ ему сказать о ихъ приближеніи. Будучи умнѣе и предустроительнѣе Готтентотовъ, гнали они съ собою большія спада быковъ. Готтентоты, его провожащие, привыкшіе бояться Кафровъ, копорые почитаютъ ихъ шпіонами Колони, испугались при ихъ приходѣ. Г. Вальянъ насилиу могъ ихъ успокоить. Онъ принялъ гостей своихъ такъ какъ и прежнихъ, то есть, по-дружески, и отвелъ имъ мѣсто въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своего спана, гдѣ надлежало имъ расположиться. Скоро

возымѣли они другъ къ другу полную довѣренность. Но онъ расплоковалъ имъ, что ему никакимъ образомъ не лѣзя соединиться съ ними противъ поселенцовъ, ихъ непріятелей, ниже подарить или продать имъ свои желѣзныя орудія, которыхъ имъ очень хотѣлось, и копорыя берегъ онъ не усыпно. Такимъ образомъ онъ имѣлъ случай наблюдать ихъ нравы, простирые и грубые, подобно нравамъ Готтентотовъ, но не столь уже дикие. Терпѣніе ихъ такъ велико, что они посредствомъ необшесанного гранита, копорой имъ служитъ вмѣсто наковальни, и другаго камня, употребляемаго ими вмѣсто молота, дошли до того, что дѣлаютъ разныя вещи, отработанныя такъ чисто, какъ рукою слесаря. Похвала Г. Вальяна была имъ весьма пріятна, потому что Кафры самолюбивы; и Авторъ прекрасно описываетъ силу сего чувства въ одномъ молодомъ Кафрѣ, которому удивлялся онъ въ мешании копья.,,, При знакахъ нашего удивленія, говоришъ онъ,

онъ, расширялся взоръ сего юнаго подвижника, и мускулы лица его распустились. Онъ мѣрялъ глазами ростъ мой, спановился подлѣ меня, и казалось хотѣлъ сказать: ты, я.,,

Хотя Пушечеспенникъ нашъ много развѣдалъ отъ гостей своихъ о Кафрѣ, однако жъ все еще хотѣлось ему пробрасться далѣе во внутренность сей земли. Гоптеннпоны его кесьма тому пропались, а особливо по отъездѣ Кафровъ, хотя впрочемъ имѣли они къ нему великую привязанность; но желая неперѣливо удовлетворить своему любопытству, и увѣрясь въ усердїи нѣкоторыхъ изъ нихъ, рѣшился онъ бѣхать съ пятью человѣками, требуя отъ другихъ въ доказательство вѣрности только того, чтобы они остались сперечь лагерь его, и выбравъ начальникомъ одного изъ нихъ, къ которому имѣли они великое почтеніе. Такимъ образомъ онъ отправился, и черезъ нѣсколько дней приѣхалъ на то мѣсто, гдѣ жи-

ли бывше въ гостяхъ у него Кафры; но сколь же онъ удивился, нашедши хижины ихъ пустыя, или, говоря словами его, имперію безъ людей! Сія орда ушла отъ соудственной націи, называемой Тамбуками. Онъ рѣшился возвратиться назадъ — возвратился, и къ удовольствію своему нашелъ, что Готспеншопы, составлявшіе многочисленное его семейство, пребыли ему вѣрными во время его отсутствія.

Тамъ-то привелъ онъ въ порядокъ журналъ своихъ примѣчаній на землю Кафровъ.

Ростъ ихъ выше роста Готспеншоповъ или Гонаковъ. Они кажутся сильнѣе, гордѣе и смѣлѣе. Носъ не слишкомъ расплющенной, большой лобъ и большие глаза, даютъ имъ видъ открытый и умной; и оставя цвѣтъ кожи, есть между женщинами Кафрскими шакія, которыя лучше иныхъ Европейскихъ женщинъ. Онъ не носятъ никакихъ украшеній; ежедневныя ихъ упражненія состоятъ въ томъ, чтобы дѣлать глиняную посуду. Хижины Каф-

Кафровъ болѣе и правильнѣе. Они суть народъ кочующій; однако жь земледѣліе нѣкоторымъ образомъ имъ извѣстно.

Большее прудолюбіе и нѣкоторыя начальныя и самыя нужныя искусства, нѣкоторое просвѣщеніе и нѣкоторые догматы Богопочитанія, дѣлаютъ Кафровъ просвѣщеннѣе южныхъ націй. Однако жь нѣтъ у нихъ никакого служенія, ни священниковъ; за то есть у нихъ колдуны, которыхъ большая часть весьма почитаєтъ и боится. Всѣ они обрѣзываются; а изъ сего можно заключить, что они происходять отъ древнихъ народовъ, или что они заимствовали сїе обыкновеніе отъ своихъ сосѣдей, которыхъ уже не помнятъ. Ихъ пляски, инструменты и оружія почти такія же, какъ у Готпенштадтовъ. Многоженство у нихъ въ обычай; но пляшущіи они только на первой свадьбѣ. Ими правитъ Царь, котораго избираютъ начальники разныхъ ордъ, весьма отдаленныхъ одна отъ другой. Когда хочетъ онъ сообщить имъ что нибудь

важное для націи, то призываєтъ ихъ къ себѣ, и даетъ имъ свои повелѣнія, что есть, сказываетъ имъ что нибудь такое, что могутъ они употребить въ пользу ордъ своихъ. Старшій сынъ бываетъ его наследникомъ; а буде нѣтъ у него сына, то племянникъ его, т. е. сынъ его сестры: странное обыкновеніе, которое находятъ пушечесвенники у разныхъ дикихъ народовъ.

Г. Вальянъ, упомленной своимъ пушечесвіемъ и трудами, рѣшился наконецъ возвратиться на мысъ; но любопытство было въ немъ еще сильнѣе успалоспи, и потому избралъ онъ другую дорогу, которая почтась почти непроходимою и опасною отъ набѣговъ Боссимановъ и Басперовъ. Боссиманы, лѣсные люди, не составляютъ особливаго рода, а состоятъ изъ смѣси всѣхъ націй; отъ одинакихъ потребностей и привычекъ образовался хитрой и свирѣпой характеръ ихъ. Басперы происходятъ отъ Негровъ и Готшенштокъ, или отъ

Гот-

Готспенштокъ и бѣлыхъ людей. Бѣлые и здѣсь, въ сравненіи съ Неграми, сполько же проигрываютъ, какъ выше сего въ сравненіи съ Дикими; ибо Бастеръ бѣлой имѣетъ всѣ возможныя дурныя качества, а Бастеръ черной отличается напротивъ того всѣми проптивоположными добродѣтельями. Г. Вальянъ удивляется, что Правительство не спарапаетъ пользоваться симъ послѣднимъ родомъ Бастеровъ, которою можетъ быть со временемъ весьма опасенъ для Колоніи.

Наконецъ, обогатя собраніе свое сполько, что обращной пушь его сталъ ошъ того гораздо затруднишельнѣе, возвращающееся онъ благополучно къ удовольствію неперпѣливыхъ друзей своихъ, а особенно добродѣтельнаго Бозрса, которому онъ приписалъ и книгу свою.

Мало такихъ пушечесствій, которые приносили бы сполько удовольствія чипапелю, какъ сіе; для того что Авторъ, кроме многихъ важныхъ наблюденій, имъ сообщаемыхъ,

не оставилъ ни одной подробности, которая чѣмъ нибудь могла понравиться. Можетъ быть скажутъ, что онъ и слишкомъ занимался сими подробностями. Онъ конечно всѣмъ пользуется, на прим. всѣми своими звѣрями, а особенно своею обезьяною. Но надобно вспомнить, что въ сочиненіи сего рода болѣе, нежели во всякомъ иномъ, позволено заниматься сношеніями, происходящими отъ частаго сообщенія человѣка съ живописнымъ — отъ сего взаимно полезнаго сообщенія между разумомъ одного и природнымъ побужденіемъ впораго — сношеніями, которыя, показывая вездѣ Разумъ, соединенной съ Благоспію, наполняютъ душу чувствами любви, возбуждающъ ее къ высокимъ мысламъ, и оправдывающъ сказанное Гм. Вальяномъ; а именно то, что Нашуральная Исторія все возвеличиваетъ, и что мораль ея проспираетъ далѣе, нежели думають.

Можно также попрекнуть Автора шѣмъ, что онъ слишкомъ любитъ

хвалишь Дикихъ, и охуждать нѣкошо-
рыя неудобности, неразлучныя со
всякимъ гражданскимъ обществомъ. Не
всякой повѣришъ, чтобы Авторъ
былъ въ самомъ дѣлѣ такою дикой
человѣкъ, каковымъ онъ казапъся хо-
четъ. Онъ конечно знаетъ, что про-
свѣщенные націи не сердятся, когда
бранятъ ихъ учрежденія и обществен-
ной порядокъ. А еспѣли бы не тер-
пѣли онъ сатиръ на своихъ Фило-
софовъ, Поэтовъ, Орапоровъ: то
бы онъ еще несовершенно просвѣще-
ны были. Г. Вальянъ всѣми силами
способствуетъ успѣхамъ сего просвѣ-
щенія, таکъ же какъ и успѣхамъ На-
туральной Испорїи.

Шанфоръ.

Извѣстіе.

*Имена Особъ, благоволившихъ подпи-
саться на Московской Журналѣ,
будутъ напечатаны въ слѣдую-
щемъ мѣсяцѣ.*

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
Время	6
Видѣніе Мурзы	8
Филлидѣ	16
Истуканъ Дружбы	19
Червонецъ и полуушка	21
Элишафія	23
Письма путешесственника	24
Самоубийца	55
Театръ	62
О книгахъ	80
О иностранныхъ книгахъ	101

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

Стран.	Стр.	Напечат.	Чиш.
39	25	помрачали	помрачили
70	21	но шомъ	по томъ
70	10	лице	лица

Издатель проситъ Чишашеля самого
поправиши прочия ошибки, какія
найдутся.

160

Подписка на сей Журналъ п
нимашся здѣсь въ Москвѣ въ У
ниверситетской книжной лавкѣ
Тверской, а въ другихъ городахъ
въ Почтѣ - Ампахѣ. Весь годъ о
го стоишь въ Москвѣ пить
а съ пересылкою семь. Колу
угодно будешъ изъ другого го
да послать деньги пропор
ции, штого просимъ Издательство
при шомъ свой адресъ, п
исавъ: Въ Университетскую кни
жную лавку, въ Москвѣ; и въ
случае ручашся за вѣри
дославленіе Журнала.